

МИЛЛИОНЕРША
ЖЕЛАЕТ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Миллионерша желает
познакомиться
Серия «Авантюрный детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122778

Миллионерша желает познакомиться: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-00778-4

Аннотация

Если бы провели чемпионат мира по невезению, то Маня Смородина заняла бы на нем далеко не последнее место. В один день у нее сломалась машина, украли паспорт и деньги, а вдобавок ее взяли заложницей при ограблении кафе. Грабители отпустили ее, но на этом злоключения Мани не кончились: теперь она натывается на трупы то одноклассника, то сожителя своей мачехи, и, похоже, убийца все ближе подбирается к ней самой. Даже обаятельный Стас ничем не может помочь Мане. Впрочем, может: он предлагает ей руку и сердце. Но она уже не в силах понять, чем закончится эта симфония невезения – аккордами Шопена или Мендельсона...

Татьяна Полякова

Миллионерша желает ПОЗНАКОМИТЬСЯ

– Простите, – робко начала я, – это ограбление?

Вопрос мой адресовался здоровенному парню в маске, который энергично размахивал железкой, подозрительно напоминающей пистолет. Видно было, что парень здорово нервничает. Он орал: «Всем на пол!», и этим криком вывел меня из глубокой задумчивости, в которой я пребывала с утра. Спросила я скорее по привычке (я люблю задавать вопросы, потому что от природы любопытна), а еще из вполне понятного желания быть в курсе происходящего. Потому что, если это ограбление, я, в общем-то, ничего против не имею: в кошельке у меня 100 руб. 55 коп., и я согласна пожертвовать ими, лишь бы парни не волновались; из украшений на мне кожаный браслет, между прочим, дорогой, и мне он нравится, лишаться его я не планировала, но вряд ли парни позарятся на такую грумзу. В общем, если это ограбление, мое дело тихо-мирно сидеть в уголке, то есть теперь лежать на полу, дожидаться, когда грабители смоются, и продолжить размышления о жизни, которая, кстати, в последнее время не очень-то радовала. Если же парни, не приведи господи, террористы, тогда придется настраивать себя на испытания,

а мне этого, по понятным причинам, не хотелось, испытания я не очень жалуя, а сейчас они и вовсе некстати.

Короче, задавая этот вопрос мягко, вежливо, со свойственной мне интеллигентностью, я хотела только определиться.

– Заткнись! – рявкнул здоровяк, схватил меня за шиворот и толкнул на пол, где я и распласталась, прошипев «придурок», правда, прошипев еле слышно, осмотрительно понизив голос и отвернувшись.

«Террористы», – с тоской подумала я, потому что ничего хорошего от жизни не ждала. И даже не испытывала особого удивления, в очередной раз умудрившись попасть в историю. Для меня это дело обычное: бутерброд всегда падает маслом вниз, автобус ускользает из-под носа, вылет самолета задерживается, паспорт теряется, каблук ломается, а жулики в толпе безошибочно находят меня, чтобы свистнуть кошелек из сумки.

Другая бы на моем месте загрустила, решив, что это пожизненный крест, но я была оптимисткой и верила, что однажды мне повезет по-крупному, иначе выходит, что в мире нет справедливости, а с этим я согласиться никак не могла.

В общем, я лежала на полу, томно вздыхала и поторапливала провидение, мол, хватит испытаний, пора переходить к тотальному везению. Я, конечно, не против еще немного потерпеть, но террористы – это, пожалуй, слишком.

Чтобы отвлечь себя от этих мыслей (с провидением шу-

тить не стоило), я принялась вспоминать события этого дня, пытаюсь определить, является ли он чем-то особенным или ничего, день как день, и закончится вполне мирно. Не хотелось бы думать, что день этот последний, хотя парни в масках свирепствовали вовсю, то есть орали и грозили всех перестрелять. «Ничего, ничего, – утешала я себя, – все как-нибудь образуется».

Утром у меня перегорел электрический чайник, дело обычное, потом я поехала к Светке, приткнула машину возле подъезда на пригорке, забыв поставить ее на ручник, а она возьми да и покатись, передним колесом влетев в канализационный колодец, люк которого был открыт. Это событие я восприняла как должное, такое и раньше случалось. После того как машину удалось вытолкать усилиями пришедших мне на помощь граждан мужского пола, выяснилось, что ее придется отправлять в ремонт. Было обидно и совершенно непонятно: с какой стати? Слово «подвеска» вызывало у меня стойкие ассоциации с «Тремя мушкетерами» и потому воспринималось несусветной глупостью, но толстый дядька, который талдычил мне про подвеску, сумел запугать меня, и я отправилась на станцию технического обслуживания, где машины лишилась, то есть мне сказали, что забрать ее я смогу только через два дня. К машине я привыкла и почувствовала себя сиротой, оттого ничего хорошего от жизни не ждала, и правильно, между прочим.

Я вспомнила о Светке, которой должна была пятьсот бак-

сов и намеревалась сегодня их вернуть, поехала к ней на троллейбусе, потому что, кроме баксов, у меня был только проездной, который я два дня назад нашла возле подъезда. Я обошла соседей, выясняя, не потерял ли его кто-нибудь из них, и в конце концов оставила было у себя, решив, что с этой находки начнется новая эра в моей жизни – эра повального везения. Ничуть не бывало. Панически боясь кошельков, я спрятала доллары во внутренний кармашек сумки, откуда они исчезли, потому что какой-то гад, воспользовавшись толчеей в троллейбусе, просто разрезал сумку. Обнаружила я это у Светки, когда попыталась достать деньги, – рука моя свободно проникла в новообразовавшееся отверстие, и я убедилась, что денежки тю-тю. Светка вздохнула и сказала с печалью:

– Не переживай. – Подумала и добавила: – Когда-нибудь это кончится.

– Надеюсь, – пожала я плечами.

– Давай чай пить, – ласково предложила подруга, – а с деньгами не торопись. Я ничего не планировала покупать, какая разница, где они лежат, у тебя или у меня...

– Спасибо, – вздохнула я и подумала, что если бы не послушала толстого дядьку и не поехала в сервис... или хотя бы для начала заскочила к Светке и вернула деньги... Все-таки интересно: это судьба или во всем виновата я?

Лишившись и машины, и денег, я решила, что для одного дня это слишком. Я взяла в долг у Светки сто рублей и

отправилась домой, вызвав такси. Но едва мы отъехали от Светкиного подъезда, как у «Волги» спустило сначала одно колесо, которое водитель быстро заменил, а потом и второе, заменить которое вот так сразу возможным не представлялось. Водитель матерился сквозь зубы, а я даже не удивилась и побрела к троллейбусной остановке, надо же было как-то выбираться из этого района.

Троллейбус был почти пуст, а сумка уже разрезана, и я благополучно добралась до дома. То, что за время пути дважды отключали электроэнергию, я в расчет не беру, это пустяк, да и отключали-то всего минут на двадцать, меня такими пустяками не проймешь.

Приехав домой, я вспомнила, что забыла ключи на тумбочке. Само собой на звонки никто не реагировал, выходит, и Ритка, и ее возлюбленный куда-то смылись (хотя Ритка в это время всегда дома, но на то оно и невезение). Вспомнив, что у меня есть 100 руб. и 55 коп., я зашла в кафе на соседней улице с намерением выпить чаю и скоротать время до появления Ритки.

Надо сказать, что «Мамины блины», так называлось кафе, я предпочитала всем другим подобным заведениям в нашем городе, потому что только здесь чай подавали в фарфоровых чайниках, расписанных розами, чашки с блюдцем тоже были фарфоровые, а чай ароматный, не какие-то дурацкие пакетики, которые заливают кипятком и суют тебе под нос, а потом ты ломаешь голову, куда приткнуть этот пакетик. В об-

щем, данное заведение неизменно настраивало меня на лирический лад и возвращало веру в грядущее везение.

Я твердо была убеждена, что здесь мне ничего не грозит. Здесь я даже ни разу ложку не уронила и никто не опрокидывал на меня чайник. Это был оазис покоя в безбрежном море невезения. Оттого-то я поначалу не испугалась, когда вдруг звякнул колокольчик у двери, а вслед за этим мужской голос рявкнул: «Всем на пол!» Я повернула голову и увидела двух типов в одинаковых водолазках и шапках-масках на голове, они стояли плечом к плечу, тыча во все стороны пистолетами. Я с обидой подумала: «Не может быть», в том смысле, что это могло случиться со мной где угодно, но только не в этом безопасном месте. Но случилось именно здесь, и я едва не заревела от обиды. Говорю едва, потому что давно запретила себе заниматься этим неблагоприятным делом – если каждый раз реветь, так и будешь ходить с красными, как у кролика, глазами, хотя кролики мне симпатичны, и все же...

Словом, я решила воздержаться от слез, затихла, расслабилась и посоветовала себе не принимать происходящее близко к сердцу. К встрече с террористами я была внутренне готова, ведь в последнее время средства массовой информации принялись поминать их по сто раз на день, к месту и не к месту. Если уж они завелись у нас, дураку ясно, меня им не обойти, и я для себя решила, что при случае в панику впадать не буду и попытаюсь отнестись к ним как к бутерброду, упавшему маслом вниз.

Оттого в настоящий момент я лежала себе спокойно, в основном опасаясь одного: как бы здоровенный детина не отдал мне ноги или руки, вертясь на месте точно заведенный.

– Лежать тихо! – гневно восклицал он, хотя, кроме него, голос никто не подавал. Второй тип рванул к кассе, протянул девушке-кассиру полиэтиленовый пакет и рявкнул:

– Деньги, быстро!

С моего места открывался прекрасный вид, так как лежала я недалеко от двери и все кафе у меня было как на ладони, стоит лишь чуть-чуть приподнять голову, а я ее, конечно, приподняла: любопытство, ничего не поделаешь.

Девушка торопливо достала деньги и бросила их в пакет, сумма, судя по всему, была смехотворная. Я мысленно усмехнулась: не одной мне не везет, а потом и успокоилась – никакие парни не террористы, обычные грабители, свистнут мои сто рублей (не мои – Светкины) и бросятся отсюда со всех ног. Хорошо, что здесь пол чистый, но плохо, что на мне белая блузка... «Ладно, все в пределах нормы», – философски рассудила я. Между тем парень забрал деньги и шагнул навстречу дружку, который все еще топтался возле двери, держа всех под прицелом.

– Кошельки на пол, прямо перед собой! – скомандовал он.

Я охотно выполнила его приказ и только тогда заметила, что в глубине зала сидит себе дядька лет сорока, упитанный, веснушчатый, рыжий, с пышными усами, и ест блины как

ни в чем не бывало. Надо сразу же пояснить следующие два факта. Блины здесь были знатные, в меню я насчитала двадцать наименований, лично я очень уважала «Деревенские». Второй факт, рыжего я заметила не сразу, потому что сидел он сбоку от меня, а вертеть головой налево-направо команды не было, и лишь когда я полезла за кошельком... В общем, рыжий произвел впечатление. На предложение предъявить кошелек он никак не отреагировал, уплетал себе блины с таким видом, точно происходящее вокруг его не касалось. Так как остальная немногочисленная публика по команде залегла (в кафе было человек десять), я решила, что рыжий член шайки, а возможно, даже главарь. Почему-то мне казалось, что он у них непременно за главного, хотя эти двое в масках, а он... Не успела я как следует пошевелить мозгами на сей предмет, как выяснилось, что ошиблась.

– А тебя это что, не касается? – рыкнул один из грабителей, обращаясь к Рыжему. Второй между тем заглянул на кухню и выволок оттуда еще двух женщин, толстуху в белом халате и платке и девушку лет двадцати в переднике, то есть теперь весь персонал кафе оказался в зале вместе с остальными действующими лицами. Надо отдать людям должное, все вели себя спокойно, если не считать рыкающего грабителя. И вдруг начались вещи совершенно неожиданные. Рыжий доел блины, вытер рот салфеткой (чтобы увидеть это, мне пришлось так вывернуть шею, что я рисковала заполучить вывих и косоглазие одновременно) и вдруг заявил:

– Да пошел ты, урод.

Вот прямо так и сказал. Признаться, я им восторгалась, потому что мое настроение было созвучно его ответу. Я бы тоже с удовольствием заявила нечто подобное, но не могла не признать, что, если железяка в руках парня настоящая, это было бы неосмотрительно. Однако Рыжий произнес: «Да пошел ты, урод», и это произвело впечатление на грабителя. Готова поклясться, он растерялся, потому что с полминуты стоял столбом, а Рыжий отбросил салфетку и с достоинством продолжил:

– Советую поскорее уносить отсюда ноги. Забирай свою мелочишку и исчезни, пока я не разозлился. В противном случае ты очень об этом пожалеешь. И не думай, что, раз вы в масках, я вас не найду. Да я вас из-под земли достану. – С этими словами Рыжий поднялся с намерением покинуть заведение. Я была почти убеждена: он в самом деле возьмет да и уйдет отсюда, потому что грабитель возле двери явно не знал, как реагировать на его слова, и пребывал в трансе. И тут второй тип, тот, что, уложив на пол прибывших с кухни женщин, собирал кошельки и засовывал их в пакет, развернулся и, не говоря ни слова, выстрелил прямо в грудь Рыжему, тот удивленно вытаращил глаза, покачнулся, а грабитель выстрелил еще, я зажмурилась и в ужасе заорала, а Рыжий упал, по крайней мере, судя по звуку, похоже на то.

Надо сказать, к тому моменту орала не только я, но и остальные граждане, в том числе грабитель возле двери, но

если мы просто орала, то он орал членораздельно.

– Ты что, спятил? – вопил он, обращаясь к дружку. – Ты же убил его... мать твою, ты же его убил...

– Уходим, – заявил тот в ответ, направляясь к двери, однако его напарник продолжал стоять столбом, он схватил его за руку, увлекая за собой к двери, но когда до нее оставалось совсем ничего, он вдруг замер, отчетливо пробормотав: «Черт». Я к тому времени перестала орать и, так как грабители не обращали на меня внимания, чуть-чуть передвинулась, чтобы было лучше видно происходящее возле двери. Через некоторое время стало ясно, к чему относилось замечание грабителя: в окно, находившееся рядом с дверью, я видела часть тротуара (кафе располагалось в полуподвале) и милицйскую машину, которая остановилась возле этого самого тротуара, машину целиком я, конечно, видеть не могла, зато полоску на ее боку разглядела, а также надпись: «Милиция».

Стрелявший в Рыжего грабитель кинулся к толстухе в белом халате.

– Это ты, паскуда, ментов вызвала, – взвыл он. Женщина закатила глаза и ничегошеньки не ответила, оставив парня с носом, потому что лишилась сознания, что лично мне было вполне понятно, памятуя о том, что случилось с Рыжим. – Черт, – зло повторил грабитель, а его дружок, пританцовывая возле двери, заунывно повторил:

– Что же делать?

– Тихо! – скомандовал нервный, и все само собой замол-

чали, хотя к тому моменту и так уже поутихли, не орали, а по большей части клацали зубами. Не знаю, заметили они машину или как иначе догадались о том, что грабители попали в затруднительное положение, но все замерли, с трепетом ожидая развития событий. Один труп у нас уже был, и становиться следующим желанием ни у кого не возникло.

Между тем нервный подскочил к двери и запер ее на замки, через несколько секунд после этого кто-то с той стороны толкнул дверь, потом еще раз и еще, все настойчивее и настойчивее.

– Что делать? – перешел на шепот стоявший возле двери грабитель, то есть теперь они оба стояли возле двери. – Зачем ты его убил? Что теперь делать?

Честное слово, в его голосе слышались слезы, и мне вдруг сделалось его жалко, уж мне ли не знать, что такое невезение. Но они, конечно, сами виноваты. «Так им и надо», – сурово решила я и вздохнула. Следовало признать, что из всех возможных неприятностей, свалившихся на меня за последние двадцать дней, эта была самая скверная. «И еще неизвестно, чем кончится дело, хотя ясно, ничем хорошим», – думала я, но последующего за этим поворота событий даже не ожидала.

– Берем заложника, – заявил нервный, шагнул ко мне и сграбастал меня за шиворот. – Пойдешь с нами.

– Почему я? – возмущенно поинтересовалась я, потому что невезение для меня вещь привычная, но это все-таки че-

рескур... Я услышала, как второй спросил:

– Почему она?

– Заткнись! – рявкнул нервный, и мы оба замолчали.

«Вот и конец всем моим несчастьям», – косясь на железную ку в руках парня, подумала я, прижимая сумку к груди, грабитель сунул мне в руки пакет с добычей и заявил:

– Двигай и не вздумай дергаться, башку снесу.

– Отпусти ее, – все-таки вступился за меня второй тип.

– Заткнись, – огрызнулся тот, – делай, что тебе говорят.

Он подтолкнул меня к двери, отодвинул засов, на мгновение выпустив мою шею из цепких объятий, отчетливо вздохнул и распахнул дверь. А я зажмурилась, ожидая выстрела, но, странное дело, никто не стрелял.

Более того, когда я разлепила глаза и сделала следующий шаг, понукаемая моим конвоиром, милиции поблизости я не обнаружила. К тому моменту они благополучно загрузились в свои «Жигули». Грабители, осознав это, удивленно переглянулись, а «Жигули» между тем плавно тронулись с места.

– Ни фиги себе, – пробормотал добродушный грабитель, выразив наше общее мнение.

В самом деле, было чему удивляться. Почти что в центре города, белым днем на ступеньках кафе стоят два идиота в масках, потрясая пистолетами, между ними я, прижимая к груди их дурацкий пакет, а милиция сматывается буквально из-под носа на стареньких «Жигулях».

– Нет, это даже странно, – не удержалась я от избытка

чувств, забыв про нервного спутника, а еще про то, что слова мне здесь никто не давал.

– Вот, блин, придурки, – поддержал меня нервный, продолжая стоять столбом, и тут невезение поперло по полной программе. Не успела я прийти в себя от неожиданного бегства милиции, как нервный вновь завопил: – Черт... – И больно дернул меня за локоть. Я завертела головой, пытаюсь понять, что его так разволновало, но вдруг и второй завопил:

– Черт... – И мы бросились в ближайший переулок, то есть это они бросились, а я только механически передвигала ноги, но глазами вокруг шарить не забывала и увидела видеокамеру, направленную на нас. Двое молодых людей с расстояния метров в триста увлеченно снимали уличную сцену, главными героями которой, несомненно, были мы.

– Откуда они взялись? – взвизгнул добродушный, сворачивая за угол, а я машинально ответила:

– Погодники.

– Кто? – рявкнул нервный. Похоже, нормально говорить он вовсе не мог, только рявкать, а теперь еще и задыхался.

– Прогноз погоды снимают, – пояснила я, – для телевидения, я парня узнала...

– Ну надо же, – захныкал добродушный, а нервный повторил свое излюбленное «черт».

Между тем мы свернули в переулок, где не было ни души, затем бросились во двор, миновали его и выскочили на соседнюю улицу. Прямо напротив притулился выдавший ви-

ды «Фольксваген». Добродушный прыгнул за руль, нервный распахнул заднюю дверь, принуждая меня загрузиться в машину.

– Отпустите меня, пожалуйста, – возвысила я голос. Желания сопровождать их у меня не было, да и смысла я в этом не видела, даже не с моей точки зрения, а с их. Но нервный рассудил иначе.

– Заткнись, – взвился он и больно меня толкнул.

– Отпусти ее, – попросил водитель, – зачем нам девчонка?

К тому моменту на нас начали обращать внимание редкие прохожие. Нервный рассвирепел и ткнул меня пистолетом. Я поспешила занять заднее сиденье, он упал рядом и рыкнул:

– Гони.

Его приятель погнал, а я в знак протеста положила пакет на колени своему соседу и заявила:

– Заберите. Не ровен час – менты сцапают меня с вашей добычей, еще соучастие пришьют.

– Если сцапают, я им так и скажу – соучастница, – препротивно засмеялся нервный. – Так что молись, чтобы ушли.

Воодушевленная его обещанием, я принялась пристально взглядываться в заднее стекло, но, к великому своему облегчению, никакого намека на погоню не обнаружила.

– Ушли, – вздохнув, заявил водитель и тут же добавил испуганно: – Вроде бы... Отпусти девчонку, зачем она нам?

– Мало ли что... – проворчал нервный, однако прозвучало это для меня оптимистично, то есть вполне благодушно.

Тут мы в очередной раз свернули, миновали два квартала и замерли в нескольких метрах от афишной тумбы. Нервный распахнул дверь с моей стороны и вытолкнул меня на асфальт. В полном недоумении я стояла на четвереньках, наблюдая, как машина свернула в ближайшую подворотню, потом поднялась и сказала:

– Черт... – Как известно, дурной пример заразителен.

Данная фраза в основном относилась к ободраным коленкам и к потере сумки, которая осталась в машине. Сумку можно было смело выбросить из-за солидной дыры, проделанной неизвестным троллейбусным воришкой, но, к сожалению, в ней лежал мой паспорт, выданный мне лишь вчера, и то после долгих мытарств, вспоминать о которых даже не хочется. Вечером я подумала убрать его в секретер, но позвонила Светка, я заболталась с ней и про паспорт, само собой, забыла, а вот теперь вспомнила... Я не выдержала и заревела с досады.

Я стояла, хлюпая носом и вызывая удивление у прохожих, и потратила на все это минут пять, по истечении которых в голову мне пришла мысль заглянуть во двор. Сумка моя для грабителей ценности не представляла, а уликой являлась, – логично от нее избавиться. Радуюсь способности здраво мыслить, я робко заглянула во двор, потом уже увереннее прошла его почти до половины и убедилась, что двор проходной, он выходил на улицу Кирова, где в настоящий момент стоял потрепанный «Фольксваген», на котором удрали грабите-

ли. Точнее, «Фольксваген» стоял как раз на выезде со двора, прямо под аркой, загораживая проезд темно-серой «Волге», водитель которой отчаянно сигналил. Совершенно напрасно, кстати сказать, потому что в машине никого не было.

Это меня здорово воодушевило. Маловероятно, что преступники прихватили с собой мою сумку. Я осторожно приблизилась и потянула дверь на себя, она открылась, а я едва не подпрыгнула, потому что водитель «Волги» заорал как сумасшедший:

– Убирай свою развалюху.

Это было чересчур для моих нервов, поэтому я тоже заорала:

– Да пошел ты... – и принялась шарить в машине в поисках сумки.

На это ушла минута, в продолжение которой водитель «Волги» истошно сигналил. Я перестала обращать на него внимание, потому что здорово расстроилась, сумки в машине не оказалось. Скажите на милость, ну зачем им моя сумка, да еще с дырой, в таком виде ее любимой девушке не подаришь. Счастье еще, что я сотовый забыла дома, с утра поставив его на подзарядку.

Я сидела в машине, размышляя о своей незавидной доле, пока дверь с моей стороны не распахнулась и водитель «Волги», потный и багровый, не ухватил меня за плечо с диким воплем:

– Да ты издеваешься, что ли?

И тут началось нечто совершенно невообразимое. Мужской голос сзади рявкнул:

– Стоять, руки за голову! – И с двух сторон к машине высыпали люди, все, как один, потрясая железяками.

– О господи, – простонала я, а водитель «Волги» позеленел и втянул голову в плечи.

Признаться, я очень волновалась: вновь появившиеся типы тоже могли быть грабителями, почему бы и нет? Два ограбления за один день многовато, но с моим невезеньем... Единственное, что смущало меня: на данный момент грабить здесь совершенно нечего, если не считать «Фольксвагена», который выглядел весьма плачевно. А может, им «Волга» приглянулась?

Но тут выяснилось, что подскочившие с двух сторон мужчины (я насчитала семь человек) вовсе не грабители, а наша доблестная милиция. Мужчину с «Волги» ткнули физиономией в капот, щелкнули наручниками, а потом переключились на меня.

– Где второй?

– Не знаю, – замотала я головой.

Кто-то склонился ко мне и душевно спросил:

– Вы в порядке?

– Конечно, нет, – возмутилась я. – У меня увели паспорт.

– Что?

– Паспорт. Он был в сумке. А они ее зачем-то свистнули. Водителя «Волги» повели во двор, он тряс головой и по-

вторял:

– Да я ее пальцем не тронул, ей-богу, только просил тачку с дороги убрать.

Обладатель душевного голоса вновь наклонился ко мне, и я смогла его рассмотреть – парень лет двадцати семи, симпатичный блондин.

– Как себя чувствуете? – проявил он любопытство.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Паспорт жалко. Тетка в паспортном столе сказала, что если я... Вы мне справку дадите, что это не я его потеряла, что его свистнули?

– Дадим, конечно.

Поначалу я обрадовалась, а потом загрустила, вспомнив, что справку из милиции уже приносила и от пожарных тоже.

– Не поверит, – обреченно решила я.

– Я понимаю, вы сейчас в таком состоянии, – продолжил блондин, – и все же... пожалуйста, вспомните, куда побежал второй преступник?

– Да я не видела. Я сюда подошла, чтобы сумку поискать, а они ее зачем-то свистнули, вот придурки. Слушайте, а может, они ее во дворе бросили? – озарило меня. – Там мусорные баки, пожалуй, стоит посмотреть.

Я начала выбираться из машины, блондин протянул мне руку, еще трое его товарищей, стоя в двух шагах, сурово хмурились, глядя на меня.

– Где второй? – спросил самый нетерпеливый из всех.

– Да что вы пристали, – возмутилась я, – откуда мне знать?

Я паспорт ищу.

– Какой, к черту, паспорт? Вы видели, куда он скрылся?

– Кто? – теряя терпение, поинтересовалась я.

– Второй преступник.

– Да я и первого не видела...

– Как? А...

– А этот дядька вон на той «Волге» подъехал, «Фольксваген» ему мешал.

– Так он не грабитель? – страшно огорчились все четверо.

– Нет, конечно, – удивилась я.

– А куда грабители делись?

– Откуда мне знать? Нет, это даже странно... – Меня переполняло возмущение, к тому же не терпелось вернуться во двор и поискать там сумку.

– Это вас они захватили в кафе? – вновь полез с вопросами блондин.

– Ну...

– А когда вы расстались?

– Я на часы не смотрела. Минут пятнадцать назад, а что?

– Да куда они делись? – отчаянно завопил мужчина лет сорока, стоявший слева.

– Вы меня с ума сведете, – вновь возмутилась я.

– Спокойно, – сказал блондин, обращаясь в основном к своим друзьям. – Расскажите, что произошло после того, как вы покинули кафе?

– Они потащили меня в переулок. Там стояла машина...

– Да-да, этот момент успели заснять телевизионщики. Что дальше?

– На соседней улице, прямо возле арки, они остановились и вытолкали меня на асфальт, а сами свернули во двор. Я немного поревела, а потом решила двор проверить, может, они выкинули сумку. Ну зачем им сумка, тем более разрезанная каким-то идиотом сегодня в троллейбусе, а в сумке паспорт, я его в этом году теряла уже четыре раза, тетка там злющая, и она предупредила меня, что, если я еще раз его потеряю, могу даже ей на глаза не показываться. Вот.

– Про паспорт я уже понял. Вы заглянули во двор, и что?

– Ничего. Смотрю, машина стоит, пустая. Я обрадовалась, маловероятно, что они сумку с собой забрали. Но сумки здесь нет, сами видите. Я хочу поискать ее во дворе, может, выбросили?

– Значит, вы не видели, куда скрылись преступники? – с душевной болью спросил блондин.

– Нет, конечно. Как я увижу, если они уехали на машине, а меня выпихнули на тротуар?

– Они были в масках?

– Да, – кивнула я.

– Все ясно, – вздохнул блондин. – Двор проходной, бросили машину, сняли маски и спокойно вышли на улицу. Надо поговорить с мужиком из «Волги», вся надежда на него, может, кого заметил. А вам придется проехать с нами, – вздохнул он, глядя на меня.

– Пожалуйста, только сначала поищу во дворе свою сумку.

Сумку мы искали вместе, но не нашли. Если преступники действовали так, как предполагал блондин, на кой черт им моя сумка? Идти с ней по улице, значит, обратить на себя внимание, женская сумка в руках у мужчины – это всегда выглядит странно. Хотя, конечно, сумка небольшая и они вполне могли сунуть ее в пакет с добычей, только вот зачем? Неужто думали, что в ней золото-бриллианты? Сумасшедший дом, честное слово.

Потратив время впустую, мы отправились в милицию, где я встретила с заметно повеселевшим водителем «Волги». Наручники с него уже сняли и разговаривали с ним исключительно вежливо. Так как дверь была слегка приоткрыта, я смогла узнать следующее: когда дядька сворачивал на своей «Волге», от тротуара отъехала машина. Похоже, иномарка, но какая точно, он не знает и даже цвет указать не может, внимания не обратил. А вот судьба моей сумки осталась неизвестной.

В коридоре я ждала минут пять, после чего меня проводили в кабинет и битых два часа задавали вопросы. Свой рассказ я могла уместить во временной промежуток в двенадцать раз меньший, и это при том, что говорила бы не спеша, оттого я считала время потраченным впустую. Правда, один из вопросов вызвал во мне живейший интерес.

– А ранее с преступниками вам встречаться не приходилось?

– Откуда я знаю, они же в масках!

– А голоса? Голоса вам знакомыми не показались?

Вот тут я и задумалась. В самом деле, что-то меня здорово удивило. Весь облик добродушного грабителя, а не только его голос, вселял смутную тревогу.

– Что? – перегибаясь ко мне, спросил страж порядка.

– Чего? – нахмурилась я.

– Вспомнили?

– Кого?

– Грабителя, естественно.

– Если хотите знать, мне не до их голосов было. Я здорово перепугалась. Да говори они хоть голосом Винни-Пуха, и то с перепугу бы не узнала. И вообще, я свой паспорт хочу. Найдите мне паспорт. Тетка сказала, ни за что другой не даст, хоть тресни.

– Помогите нам отыскать преступников, и мы вернем вам паспорт.

Я посмотрела на него и поняла: не видеть мне паспорта, как своих ушей.

В конце концов меня отпустили, и я побрела домой в тоске и отчаянии. Однако сказанное следователем отложилось в мозгу, и теперь я пыталась вспомнить, где раньше видела, ну и слышала, конечно, добродушного грабителя. Чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась, что была знакома с парнем. Тут и кое-какие странности в его поведении припомнились. Когда нервный решил сделать меня заложницей,

второй от этого не пришел в восторг и был на моей стороне, когда я просила отпустить меня. Это что же получается: не только я его где-то видела, но и он меня. Выходит, мы знакомы? А ведь точно, знакомы... Кто же этот гад?

Пребывая в крайней задумчивости, я добралась до своего дома, поднялась на второй этаж и нажала кнопку звонка. Мне открыла Ритка.

– Привет, – сказала она хмуро.

– Привет, – откликнулась я, думая о своем, прошла в гостиную, плюхнулась в кресло, пытаюсь понять, на кого из знакомых похож добродушный.

– Ты чего? – заглядывая в гостиную, спросила Ритка.

– Ничего, – ответила я, торопясь от нее отделаться.

– Ужинать будешь?

– Нет.

– Ну и как хочешь. Только потом не говори...

– Кузин, – брякнула я и даже глаза вытаращила.

– Чего? – в свою очередь вытаращила глаза Ритка.

– Так, пустяки, – испуганно замотала я головой, но теперь была абсолютно уверена: добродушный не кто иной, как мой бывший одноклассник Славка Кузин. – Что-то у меня голова болит, – заявила я и поспешила в свою комнату.

Здесь я торопливо достала из шкафа альбом, где хранились школьные фотографии, и отыскала нужную: вот, пожалуйста, я и злодей Кузин на выпускном в десятом классе. После десятого класса он отправился в училище, откуда его

благополучно выперли. Надо сказать, Славка был невезучим парнем, вечно с ним что-то случалось. В основном на этой почве мы и подружились. Правда, он уверял, что влюблен в меня, но я отнеслась к этому скептически, прежде всего потому, что считала: двое невезучих – это уже слишком. К тому же у Славки смешно торчали уши, а веснушки были такими большими и яркими, что вкупе со своей фамилией Кузин он просто не мог не быть прозван одноклассниками Кузей, каковое прозвище и получил еще в первом классе. Уверена, его и сейчас все так называют.

Кузя не казался мне особо привлекательным, а саму себя я считала девушкой красивой, оттого-то была убеждена, что он мне не пара. Ко всему прочему у Славки обнаружился скверный характер, он вечно задирался, грубил учителям и общественностью был причислен к хулиганам. В данном случае общественность оказалась права, хотя теперь назвать Кузю хулиганом язык не поворачивался, он самый настоящий преступник, грабитель и убийца.

Я воззрилась на фотографию, вздохнула и решила позвонить в милицию. А что еще прикажете делать, раз я его узнала. Они ведь, между прочим, спрашивали, не показался ли мне преступник знакомым. Я уже потянулась к телефону, но рука моя вильнула в сторону, а потом и вовсе замерла на телефонном справочнике. Конечно, преступление преступлением, но с Кузей мы сидели за одной партой, и доносить на него... К тому же я могла обознаться. Ведь могла же, раз ли-

да не видела. Голос – это голос, и еще вопрос, Кузин ли... к тому же он никого не убивал, а когда нервный застрелил Рыжего, испугался не меньше меня.

Конечно, и ограбления кафе хватит за глаза, но я ведь всех обстоятельств не знаю, с Кузей я не виделась лет пять, и неизвестно, как сложилась его жизнь, а памятью его всегдашнее невезение...

Словом, я уговорила себя, что спешить ни к чему. Для начала стоило бы поговорить с одноклассником, услышать его версию происходящего, посоветовать отправиться в милицию с повинной, а заодно узнать, что там с моим паспортом.

Данное решение меня воодушевило, но осуществить его препятствовало одно обстоятельство: я не знала номера Славкиного телефона. Во времена нашей школьной дружбы телефона у него вовсе не было, а теперь... Я перевела взгляд на справочник и принялась его изучать. Вскоре стало ясно: если телефон у Славки и появился, но в справочнике он не значился. Конечно, я прекрасно помнила, где он живет, но это на другом конце города, а моя машина в автосервисе. От троллейбусной остановки, где жил Славка, минут пятнадцать ходу жуткими подворотнями, и если я там пойду вечером одна, непременно нарвусь на приключение, это уж не ходи к гадалке, а на такси у меня нет денег. Можно занять у Ритки...

При этой мысли я сразу же скривилась. Ритка – зануда,

начнет воспитывать. Нет уж, на сегодня с меня умных речей хватит. Что же тогда? Чем безнадежнее мне казалось предприятие, тем больше я жаждала осуществить его. Я вздохнула и выбралась из своей комнаты. Ритка чем-то гремела на кухне. Я вошла и заявила:

– Есть хочу.

– Сейчас, – кивнула она.

Севка, ее возлюбленный, сидел перед телевизором с совершенно безумным видом, но, услышав нас, обернулся и взглянул на меня с намеком на презрение.

– А сама ты поесть не в состоянии? – глумливо поинтересовался он.

– Чего это ты мне указываешь в собственном доме? – поинтересовалась я.

– Между прочим... – разозлился он, но договорить не успел.

– Не начинайте сначала, – грохнув чем-то тяжелым, возопила Ритка. – Я, как нормальный человек, имею право на вечер, проведенный в покое, без скандалов и ругани.

– Она сидит у тебя на шее, – не удержался Севка, а я с удовольствием заметила:

– А ты живешь в моем доме. Если тебе что-то не нравится, катись отсюда.

– Прекратите, – вновь чем-то грохнув, пресекла нас Ритка. – Отстань от нее. Ты же знаешь, если она возьмется что-то разогревать, то непременно устроит пожар.

Кстати, бог миловал, пожаров я никогда еще не устраивала, но это было навязчивой Риткиной идеей. Каждый раз, когда я появлялась в кухне и включала плиту или микроволновку, она начинала трястись, как осиновый лист. Мне это было на руку, так как освобождало от готовки, которую я ненавидела, и хоть в душе я и не соглашалась с Риткой, но печалью на лице давала понять, что ее беспокойство не беспочвенно.

Севку это страшно злило. В нашей квартире он устроился с удобствами и, судя по всему, надолго и не чаял избавиться от меня, ежедневно намекая, что у меня есть своя квартира, на что я отвечала, что эта квартира тоже моя, и мы орали до тех пор, пока не вмешивалась Ритка и не разгоняла нас по комнатам.

Ритку было жаль, целых пять лет мы с ней отлично уживались, и лишь появление Севки все испортило. Севка появился на следующий день после похорон отца, может, и на похоронах присутствовал, но я его не заметила. Проводить папу пришло очень много людей. Папа был в городе лично стью известной, по крайней мере, так о нем написали в газетах. Чем он был известен другим, оставалось лишь догадываться, сама я папу видела редко, он был очень занятым человеком, всю свою сознательную жизнь я только и слышала: «Папа очень занят». Когда я училась в начальных классах, нас покинула мама. Я не могу припомнить, как это произошло, потому что мама тоже была очень занята, и ее исчез-

новения я поначалу даже не заметила. Только когда тетя Валя, сестра отца, три вечера подряд, укладывая меня спать и проливая горькие слезы, шептала: «Бедная моя девочка, при живой матери сирота», я сообразила, что что-то у нас не так, и загрустила. Вечером четвертого дня папа, выкроив время, сел рядом со мной на диван, обнял меня и сказал:

– Дочка, мама от нас уехала.

– Куда? – любопытствовала я.

– В Москву. У нее там будет другая семья. Возможно, мама возьмет тебя, но несколько позже.

– А тетю Валю? – насторожилась я. – Что – тетю Валю? – не понял отец.

– Тетю Валю она возьмет?

– Ну... видишь ли... с тетей Валеё они никогда особенно не дружили.

– Тогда знаешь что... я, пожалуй, к ней не поеду.

– Отлично, – кивнул отец, – я очень рад.

Я тоже была рада, без мамы стало гораздо спокойнее. Раньше тетя Валя тратила свободное время на то, чтобы ругаться с мамой, доказывая ей, что ребенка воспитывают неправильно, а теперь она проводила его со мной. Как я уже сказала, у папы свободного времени было мало, а тратил он его в основном на выпивку, то есть, если оно у него было, он ехал куда-нибудь и отчаянно напивался или в одиночестве сидел в своей комнате и пил тихо, никому не мешая. Тетя Валя объясняла это тяжелой работой. Папа в то время

заведовал вторсырьем, и, думая о его работе, я непременно представляла отца перетаскивающим ржавые трубы, потому что как-то раз мы с тетей ВалеЙ заезжали к нему на работу, и хоть папа никаких труб не таскал, но увиденное произвело на меня впечатление. «Мой папа работает на свалке», – решила я, очень ему сочувствуя, и потому тяга папы к горячительным напиткам была мне вполне понятна.

Потом времена сменились. Помню, папа вернулся вечером и заявил:

– Даст бог, станет легче, устал я под статьей ходить. – После чего ушел в свою комнату коротать вечер с бутылкой.

– Теперь станет легче, – шепотом сообщила я тете Вале.

– Кому? – нахмурилась она.

– Папе.

– А-а... лишь бы власть не сменилась.

– А что это за статья, под которой ходит папа? – додумалась спросить я.

– Это он сказал? – еще больше нахмурилась тетка.

Я кивнула.

– Должно быть, конфискация имущества, – пожалала она плечами, но тут же отмахнулась: – Не забивай голову. Тебе все это ни к чему.

Вскоре папа сделался предпринимателем, а потом владельцем крупной фирмы. Об этом мне сообщила тетя Валя.

– В дом кого попало не води, – заявила она. – Жулья развелось...

Меня стали встречать из школы и вечером во двор не выпускали. Это было грустное время. Наконец теткина подозрительность в отношении моих друзей сменилась радушием, она оставила работу в библиотеке, всецело посвятив себя дому.

Жили мы вполне счастливо, я закончила школу, поступила в институт, влюбилась, решила выйти замуж, но тетя Валя пришла в ужас, а папа сказал:

– Ни за что.

Я рассердилась и даже сбежала из дома, правда, недалеко и ненадолго. Уже вечером папа обнаружил меня у Светки и вернул в родные пенаты. Он был непривычно трезв, говорил долго и убедительно, называя мой поступок безответственным, вскользь заметил, что Мишка (так звали моего избранника) мне не пара, и посоветовал не спешить с замужеством, а чтоб я не переживала, подарил мне машину. Новенький «Опель» произвел на меня впечатление, и от мыслей о замужестве я отказалась, хотя еще некоторое время тайно встречалась с Мишкой. Но так как он позволил несколько злобных выпадов в адрес моего родителя, в частности, обозвав его жуликом и королем утиля, я решила, что папа был прав, Мишка мне действительно не подходит, и порвала с ним раз и навсегда.

Через несколько дней после этого случилось несчастье: умерла моя любимая тетя Валя. Это было как гром среди ясного неба, на здоровье тетка никогда не жаловалась, а умерла

от инфаркта. Мы с папой осиротели. Папа пил более обыкновенного, а я рыдала день и ночь напролет. Через два месяца, немного придя в себя, мы попытались наладить наш быт. Решив почистить рыбу, я едва не отрезала себе палец, пришлось вызывать «Скорую». На следующий день я забыла закрыть в кухне кран, когда чистила картошку, раковина забила, и я затопила соседей, потому что побежала в магазин за хлебом, а ключи оставила на тумбочке и в квартиру войти не могла. Папа решил готовить сам и едва не учинил пожар, забыв котлеты на плите. В общем, мы бились как рыба об лед, а питались в основном в кафе, пока папа не заявил:

– Надо что-то делать. – Взял бутылку коньяка, ушел в свою комнату, а появившись оттуда через час, сообщил: – Придется жениться. Можно, конечно, нанять домработницу, но чужой человек в доме... я этого не переживу. Придется жениться, – с намеком на панику, повторил он.

– Хорошо, – согласно кивнула я.

И через два дня у нас в доме появилась Ритка.

Она была на двадцать лет моложе папы и к моменту водворения у нас уже трижды побывала замужем, но каждый раз неудачно. Мы с ней сразу же подружились. Ритка была настроена весьма критически ко всем особям женского пола, и потому подруг у нее не было. Папа в первый же день предупредил нас, что волновать себя по пустякам не позволит, и если мы начнем конфликтовать, он это быстро прекратит, и при этом так взглянул на супругу, что стало совершенно

ясно, что он имел в виду. Ритка и не думала конфликтовать со мной, потому что я с готовностью согласилась с тем, что она, во-первых, красавица, во-вторых, разбирается в жизни лучше, чем я, и потому мне стоит прислушиваться к ее советам. Прислушиваться я была готова к чему угодно, насчет красоты и жизненного опыта тоже никаких проблем, так что наша жизнь мгновенно наладилась.

Ритка нигде никогда не работала из принципиальных соображений и мне не советовала, поэтому раз по пять на день вопрошала:

– На кой черт тебе сдался этот институт? Лучше пошли в солярий.

Я и сама толком не знала, нужен мне институт или нет, но вознамерилась его закончить, в чем и преуспела. К тому моменту папа числился видным деятелем нашего города, а пить стал значительно больше, то есть это мы так предполагали, хотя видели его исключительно редко, в основном в начале месяца, когда он выдавал нам деньги на расходы, а также ценные указания, как их потратить.

Иногда мы с удивлением узнавали, что папа на Канарах или Мадейре, но с вопросами не лезли, так как папа этого не любил. Однако доходившие до нас слухи о том, что папу уже давно никто не видит трезвым, всерьез тревожили нас, потому что последнее время папа жаловался на здоровье.

– Твоему отцу не мешало бы побереечь себя, – выговаривала мне Ритка за неимением родителя, а я согласно кивала.

По окончании института возник вопрос о моем трудоустройстве, и папа в начале месяца сказал:

– Я подумаю. – Но потом по обыкновению исчез, а когда я по телефону пыталась напомнить ему о его обещании, повторил: – Я подумаю. А ты пока отдохни.

В результате я отдыхала целый год и уже всерьез не верила, что папа что-нибудь придумает, и в конце концов устроилась на работу сама, решив, что папа при его занятости об этом даже не узнает. Но он узнал (подозреваю, настучала Ритка, потому что шататься по салонам и магазинам одной ей было скучно) и был в гневе.

– Что это за работа за две тысячи в месяц? – сердито выговаривал он мне. – Ты что, сирота? Горбиться за такие деньги...

Хотя я вовсе и не горбилась, но почувствовала себя предателем: в самом деле, что это я отца позорю? Папа в очередной раз обещал подумать, с прежней работы я ушла, чтобы сделать ему приятное, а на новую так и не устроилась, потому что папа внезапно свалился с инфарктом (должно быть, в нашей семье эта болезнь занимала особое место). Мы с Риткой здорово перепугались, врачи в один голос твердили, что, если папа немедленно и навсегда не бросит пить, они ни за что не отвечают, поверить же, что папа откажется от своих привычек, было нелегко, но я набралась смелости и поговорила с папой.

– Фигня, – отмахнулся он, тут к нему подскочил лечащий

врач и заговорил о возможных последствиях (летальных), увлекаясь все больше и больше. Речь произвела на меня впечатление, и я тут же, не сходя с места, поклялась никогда не брать в рот спиртного.

Через неделю папа выписался из больницы и начал вести свой привычный образ жизни.

– Любопытно, что из этого выйдет, – вздыхала Ритка, имея в виду папину полемику с врачами.

К сожалению, победили врачи. Где-то в Карибском море папа в состоянии похмелья нырнул и не смог вынырнуть. Предположительно, не выдержало сердце. Так как папа последние три года дома появлялся редко и напоминал фантом, став личностью мифической, данное событие скорее взволновало, нежели огорчило. Мы с Риткой много говорили о папе, но увидеть его было практически невозможно, и то, что папа вдруг исчез, вовсе ничего не значило, ничто не мешало ему появиться вновь.

Однако рассчитывали мы на это напрасно, через месяц нам предположительно доставили папу. Говорю предположительно, потому что сопровождающие его люди сами, похоже, были в этом не уверены, а проверить догадки не представлялось возможным. В общем, папу похоронили, а нам на руки выдали свидетельство о его смерти. Еще до папиных похорон начались вещи, прямо скажем, мистические. Кто-то бродил по квартире, переставлял вещи, а однажды даже пробил стену в ванной. Ритка заявила в милицию, заявление

у нее приняли с постным выражением лица и интересным пожатием плеч. По ночам мы с Риткой не спали, а все больше прислушивались, поэтому я не возражала, когда у нас появился Севка, как-никак мужчина в доме, это успокаивает. Севка был любовником Ритки, и его наличие меня ничуть не удивило, раз уж папа был скорее идей, чем человеком из плоти и крови. Но у парня оказался скверный характер, к тому же он начал ко мне приставать, будучи моложе Ритки на восемь лет. Но так как предполагалось, что она у нас краше и лучше всех, стучать на Севку и расстраивать ее я не стала. Когда же он в очередной раз приступил к домогательствам, я легонько задвинула ему по известному месту, он присел от неожиданности, а я нечаянно задела рукой чайник и в результате ошпарила Севку, хотя это в мои планы не входило. После чего мы стали врагами. Ко мне он цеплялся по сто раз на день, но рук уже не распускал. Меня это вполне устроило, но, чтоб держать его в тонусе, я время от времени напоминала, что он живет в моей квартире.

На самом деле квартир у папы было шесть, хотя мы, конечно, жили в одной. По старой привычке папа оформил их на меня, так же, как и четыре машины, которые имелись в нашей семье. Дача была записана на покойную тетку и после ее смерти тоже отошла ко мне. Умирать папа не собирался и потому завещания не оставил, хотя похоже было, что завещать, собственно, нечего.

После похорон мы обнаружили в папином столе две ты-

сячи долларов, у нас с Риткой оставалось еще пятьсот, и это все, что мы имели. Ни сберегательных книжек, ни иных документов, сейф на работе тоже оказался пуст. У папы были пластиковые карты, но все деньги с них он успел потратить. В общем, выяснилось, что папино богатство не более чем миф, что меня, признаться, не удивило, а вот Ритку здорово расстроило.

– Мы погибнем в нищете, – прижимая руки к груди, заявила она. Но и в это я не верила.

После похорон папин друг и по совместительству коммерческий директор дядя Витя, к которому я питала самые добрые чувства, так как, в отличие от папы, он появлялся у нас значительно чаще и даже интересовался моими делами, отвел меня в сторонку и со вздохом сказал:

– Девочка моя, фирма отцу не принадлежит, ты же знаешь папу, он терпеть не мог что-то оформлять на себя. Но ты мне человек не чужой, и я считаю себя обязанным... ты будешь получать каждый месяц по тысяче долларов. Хорошо?

– А как же Рита? – нахмурилась я.

Дядя Витя пожал плечами, тем самым давая понять, что Ритку близкой родственницей не считает.

– И ты согласилась? – рычала Ритка тем же вечером, когда я рассказала ей о предложении дяди Вити. – Да ты хоть понимаешь, что эта фирма...

– Она официально папе не принадлежит. Папа большую часть своей жизни прожил с мыслями о конфискации, и это

наложило отпечаток...

– Нас обобрали! – воздев руки над головой, вопила Ритка.

– Не глупи, – попробовала я вразумить ее, достала листок бумаги из стола со столбиком цифр, над которым не так давно усердно трудилась, и подвинула его Ритке. – Вот смотри, мы сдаем пять квартир, что приносит доход в пятьсот долларов в месяц, тысячу обещал дядя Витя. Осенью я устроюсь на работу, летом все же хочется отдохнуть. Ты тоже могла бы... – Ритка скривилась, а я кивнула: – Ну, хорошо, хорошо. По семьсот пятьдесят долларов каждой тоже неплохо. В нищете мы не умрем.

Ритка прослезилась, обняла меня за плечи и расцеловала.

– Что бы я без тебя делала... конечно, все это так ненадежно, а мне уже тридцать... – Я подняла брови, а она поправила: – Ладно, тридцать шесть, хотя выгляжу я на двадцать пять.

– На двадцать четыре, – согласно кивнула я.

– Спасибо. Но мне тридцать шесть, и теперь выясняется, что у меня ни денег, ни квартиры... только машина, но и ей два года.

– Продай папины машины и оставь деньги себе. Если тебе так спокойнее...

– Конечно, это не те деньги, на которые я рассчитывала, но все равно спасибо.

– Пожалуйста.

– Хорошо, что у меня есть семья, то есть ты.

– А Севка?

– Что – Севка? Много ли от него толку? И что-то я не слышала, чтобы он собирался на мне жениться.

– Может, женится, – пожала я плечами.

Вот так обстояли наши дела на момент ограбления. Мы жили в одной квартире, Севка о женитьбе помалкивал, но держался хозяином, поэтому мы отчаянно ругались.

Ритка положила передо мной салфетку и поставила разогретый ужин, я принялась вяло жевать, тупо пялясь перед собой.

– С тобой что-то не так, – понаблюдав за мной с минуту, заявила Ритка. – Что ты натворила? Разбила машину?

– Нет. В ней просто отвалилась какая-то штука. Или лопнула...

– Что лопнуло?

– Мое терпение, – отозвался Севка и сделал телевизор громче.

– Что лопнуло? – повторила Ритка.

– Забыла, как это называется...

– Час от часу не легче. И где теперь машина?

– На станции. Обещали сделать.

– Тебе надо ездить общественным транспортом.

– Не надо, – заверила я. – Сегодня поехала, и у меня станции пятьсот баксов. Я была должна Светке.

– О господи. И что теперь?

– Ничего. Она еще подождет.

– Сумасшедший дом... Надеюсь, это все?

– Нет, – задумчиво ответила я. – Меня взяли в заложники.

Севка отлепил взгляд от телевизора, посмотрел сначала на меня, а потом на Ритку, точно спрашивая ее совета. Та ничего советовать не могла, она стояла и хлопала глазами. Конечно, она тоже считала, что это никуда не годится, в смысле правдоподобия, но, зная мое невезение...

– Это что, шутка? – на всякий случай спросила она, а я отрицательно покачала головой, не оставляя ей никаких шансов.

– Чушь, – презрительно фыркнул Севка, – она все выдумывает.

Это было обидно, и отвечать я сочла ниже своего достоинства, ограничившись презрительной усмешкой. Ритка подвинула стул и села рядом со мной. Пока она все это продельвала, по телевизору начались местные новости. Сегодняшнее происшествие журналисты обойти не могли и даже начали с него. Через минуту я увидела себя на экране в компании двух идиотов в масках. Съемку вели с приличного расстояния, но узнать меня все-таки было можно.

– Господи, – охнула Ритка, прижимая руку к груди, попеременно глядя то на экран, то на меня, а Севка прямо-таки позеленел, подозреваю, что с досады, потому что теперь даже у него не хватит совести заявить, что я вру, раз меня в новостях показывают.

– Ничего себе, – пробормотал он.

– Да тихо ты, – шикнула на него Ритка, – дай послушать.

То, что сообщили в новостях, порадовать меня никак не могло. Грабители, прихватив деньги (общая сумма, по приблизительным подсчетам, исчислялась одиннадцатью тысячами рублей, и это вместе с кошельками граждан, в том числе с моей разнесчастной сотней) и застрелив одного из посетителей, который оказал сопротивление (вот уж кто соврать любит, так это журналисты), скрылись на машине (далее следовали марка, цвет и номер), взяв с собой меня в качестве заложницы. В ближайшей подворотне они от меня избавились и в буквальном смысле исчезли. Далее следовал обычный в таких случаях набор фраз: ведется следствие, и все такое...

– Господи, – опять ужаснулась Ритка, когда сюжет закончился, – что ты пережила...

– Да уж, – вздохнула я.

– С этим надо что-то делать, – покачала она головой.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Ну, не знаю. Но это уже становится невыносимым. Может, тебе к экстрасенсу сходить, может, тебя кто сглазил?

– Что за чушь! – влез Севка.

– И вовсе не чушь. Ты посмотри, что делается. Она всю посуду перебила, я уж молчу про машину, а теперь еще и это.

– Рот нечего разевать, тогда и посуду бить не будет, – разозлился он.

– В заложники меня взяли потому, что я рот разевала?

– Наверняка что-нибудь сморозила, и они выбрали тебя.

– Ничего подобного. – Я приготовилась скандалить, но Севка неожиданно сменил тему.

– А кого убили?

– Откуда мне знать? Телевизионщики и те не знают.

– Наверняка знают, только помалкивают. Ты в милиции была?

– Конечно.

– Бедняжка, – посочувствовала мне Ритка и даже заревела. – Ладно, чего ты, – расстроилась я. – Все ведь обошлось.

– Тебя могли убить.

– Ну, так ведь не убили, – вновь влез Севка. Сказано это было таким тоном, точно данное обстоятельство его очень огорчило.

– Ты совершенно бесчувственный, – обиделась за меня Ритка и начала приставать с вопросами. Я подробно ответила на них, утаив лишь, что в грабителе узнала бывшего одноклассника. Севку вновь заинтересовал убитый мужчина.

– Рыжий, говоришь? С усами?

– Ага. Здоровый такой.

– Вот черт, – выругался он и сделался задумчивым.

– Ты что, с ним знаком? – наудачу спросила я.

Он аж подпрыгнул.

– Спятила? Да я и не видел, кого убили...

– Может, описание кому подходит? – подсказала Ритка.

– Никаких рыжих я не знаю, – разозлился Севка и ушел с

кухни, не забыв хлопнуть дверью.

– Чего он психует? – пожала плечами Ритка.

– Дай мне свою машину, – задумчиво попросила я.

– Ни за что, – тут же ответила она, – ты ее непременно разобьешь.

– Не каждый же день я машины разбиваю, – не согласилась я.

– Мою обязательно разобьешь, уж я-то знаю. И вообще, тебе лучше некоторое время посидеть дома. Мало ли что... И этим придуркам с телевидения вовсе незачем было тебя показывать, вдруг грабители... то есть я хотела сказать... Короче, сиди дома, а я посмотрю в газетах объявление, может, найду подходящего экстрасенса.

Я пожала плечами и отправилась в свою комнату. Но на месте мне не сиделось. Душа жаждала движения и великих свершений. К тому же тоска по недавно обретенному, а сегодня опять утраченному паспорту навалилась на меня с новой силой. Стеная и охая, я бродила по комнате, то и дело косясь на часы. Время позднее, я имею в виду позднее для похода в гости, надо на что-то решаться. Если Кузин не сменил адрес, то живет с родителями, и мой неурочный визит как-то придется объяснять.

Конечно, маловероятно, что после сегодняшних событий он преспокойно проводит вечер в кругу семьи, но мать должна знать, где он обретается, если сменил адрес, а если все еще живет с родителями, но отсутствует, передаст, что я ин-

тересовалась им. К тому же у него мог появиться телефон, тогда я разживусь номером.

Наконец я решила и выскользнула в холл. Ритка в кухне шуршала газетами, должно быть, всерьез занялась экстрасенсами. Стараясь не шуметь, я потихоньку выдвинула верхний ящик тумбочки, здесь Ритка обычно держала ключи от машины. Ничего подобного, ключи отсутствовали, то есть ключи валялись, но не от ее машины, а от «Ауди» Севки, чему имелось материальное подтверждение: фирменный знак на брелке. Пробормотав сквозь зубы: «Ну, зануда», я устремилась к Риткиной сумке, которая лежала на пуфике. Только не подумайте, что для меня в порядке вещей заглядывать в чужие сумки. Но на сей раз – особый случай, по крайней мере мне удалось убедить себя в этом. Однако невезение и здесь не оставило меня: ключей не оказалось и в сумке. Выходит, Ритка, опасаясь за свою тачку, просто-напросто их спрятала.

Отчаяние переполняло меня, причем до такой степени, что стало ясно: я пойду на все, лишь бы раздобыть машину. Так что нечего удивляться, что я стырила ключи от Севкиной «Ауди». Не похоже, чтобы он собирался покидать квартиру, а если все-таки хватится ключей, я пошлю его к черту. На прошлой неделе он дважды брал мою машину, потому что вовремя не прошел техосмотр, так что будет только справедливо, если я один раз воспользуюсь его тачкой.

Я достала ключи, сняла с крючка ключ от гаража и на

цыпочках проскользнула к входной двери, изловчившись не спугнуть Ритку. Прикрыла дверь, потом надавила посильнее, чтобы замок защелкнулся, и едва ли не кубарем скатилась вниз.

Гараж находился в соседнем дворе, большой, на две машины, но для третьей там места не было. Севка гараж сразу же оккупировал, так что Ритке свою машину приходилось оставлять на стоянке или, как сегодня, прямо во дворе под окнами. Не стоило бы Ритке потакать своему любовнику, он здорово обнаглел. Ходит в папиных тапочках и Риткином халате... впрочем, это не мое дело...

Гаража я достигла в рекордно короткие сроки, опасаясь, что мое исчезновение не останется незамеченным, за мной, чего доброго, снарядят погоню, и тогда машины я лишусь. На то, чтобы открыть ворота, выгнать «Ауди» и закрыть ворота, ушло минут пять, я покинула двор со вздохом облегчения: меня не застукали.

Как я уже сказала, жил Кузин на другом конце города, и по дороге я имела возможность пораскинуть мозгами, как следует вести себя при встрече. Если он откажется идти с повинной, пригрожу, что тут же позвоню в милицию. Это должно подействовать. Тут я вспомнила про мобильный, который по-прежнему лежал дома, и чертыхнулась. Надо же быть такой растяпой. А если Кузин не впечатлится угрозой или, того хуже, до смерти перепугается и шваркнет меня по башке

чем-нибудь тяжелым? Способен ли на такое бывший одноклассник? Мне-то казалось, что не способен, но я и предположить не могла, что он затеет грабеж, да еще с убийством. Правда, стрелял не он... А вдруг он сейчас дома, но не один, а в компании с нервным типом, то есть с убийцей? Странно, что раньше это не пришло мне в голову.

Встретаться с Кузиным мне сразу же расхотелось, я даже притормозила, посоветовав себе все как следует обдумать. Подъехала к дому, где предположительно проживал преступник, но так ничего и не придумала. Надо было на что-то решаться. В надежде, что это поможет, я взглянула на окна третьего этажа, все они показались мне одинаковыми, я точно не знала, которые из них кузинские. С тяжелым сердцем я покинула машину и вошла в подъезд.

Дверь выглядела изрядно обшарпанной и была лишена номера. Минут через пять стало ясно: открывать мне не собираются. Выходит, все мои мучения напрасны? Этого я допустить не могла и решительно позвонила в соседнюю квартиру. Дверь открыл вихрастый молодой человек в шортах и темных очках. Только я задалась вопросом, зачем человеку очки от солнца в такое время, да еще в собственной квартире, как заметила внушительного вида синяк, который не желал уместиться за очками.

– Привет, – радостно заявил парень.

В другой ситуации я бы презрительно отвернулась, но сейчас следовало подружиться с парнем, и я растянула губы в

ответной улыбке.

– Здравствуйте, – проворковала я зазывно. – Не знаете, где ваш сосед?

– Кузя, что ли?

– Вячеслав, – кивнула я.

– А вы ему кто?

– Никто. Просто знакомая.

– Знакомая? Чтоб у Кузи были такие знакомые... приходила здесь парочка... такие кошелки, скажу по секрету...

– Мы с ним в одном классе учились, – решила пояснить я, – а теперь он мне очень понадобился.

– Зачем?

– Слушайте, это мое дело, – теряя терпение, заявила я.

– Конечно, просто интересно. Может, зайдете? Я тут в одиночестве коротаю вечер...

– Выходит, где Славка, вы не знаете? – игнорируя последнее замечание, задала я вопрос.

– Откуда? Его предки на даче, а он где-нибудь бутылки собирает.

– Какие бутылки? – ахнула я, машинально прижимая руку к сердцу.

– Обыкновенные. У Кузи характер паршивый, и он ото всюду вылетает, я его сам два раза на работу устраивал. Бесполезно. Пара недель – это максимум. Предки его деньгами не балуют, вот и бедствует.

– Ясно, – с горечью кивнула я, жалость к однокласснику

заполнила все мое существо. Выходит, на преступление его толкнула крайняя нужда и безнадежность. Несчастный Кузя... – Вот что, – едва справившись с волнением, попросила я, – если он появится, скажите, что приходила Маня, то есть... в общем, он поймет. Пусть он мне позвонит. Телефон он знает, хотя мог и забыть. – Я собралась оставить номер, но, заметив, как губы парня растянулись в ухмылке, решила, что не стоит. – Номер есть в телефонном справочнике, пусть обязательно позвонит.

– Хорошо, – без энтузиазма согласился парень.

– Вы передадите или мне записку в двери оставить?

– Передам, передам. А телефон могли бы записать! – крикнул он мне вдогонку, но я, поспешно спускаясь по лестнице, сделала вид, что не слышу.

Признаться, рассказ соседа произвел на меня впечатление, да такое, что, проехав пару кварталов, я вынуждена была остановиться, приткнулась к тротуару и зажмурилась, не давая волю слезам, то и дело повторяя: «Бедный Кузя...» Надеюсь, он мне позвонит, и мы решим вопрос.

Что конкретно мы будем решать, а главное – как, я понятия не имела и отложила все это на завтра, а сегодня следовало как можно скорее вернуть на место Севкину машину.

Аккуратно промокнув глаза платком, я тронулась с места, и тут раздался треск, меня здорово потрянуло... Короче, трогаясь с места, мне не мешало бы взглянуть в зеркало. Я не взглянула и теперь горько сожалела об этом. Ясное

дело, Севкина красавица лучше не стала, но это было еще не самое скверное. Немного придя в себя, то есть вернув себе способность реагировать на окружающих, я увидела темно-вишневый «Лендкрузер», который после соприкосновения с «Ауди» тоже лучше не стал.

– До кучи, – вздохнула я и с отчаянием покачала головой. Ритка права, надо идти к экстрасенсу, к колдунам, к черту, к кому угодно, лишь бы прекратить все это.

Между тем дверь джипа распахнулась, и оттуда выкатилась верзила с такой свирепой рожей, что стало ясно: моя сегодняшняя роль заложника – это просто фантики. Сейчас меня выволокут из машины и попросту растопчут.

– Только не это, – простонала я, наблюдая за тем, как парень приближается. Он распахнул мою дверь, а я поспешно сказала: – Послушайте, я знаю, что виновата, только не надо так смотреть.

Он собирался что-то ответить, точнее будет сказать, подошел с заранее подготовленной речью, но вдруг передумал произносить ее. Посмотрел на меня внимательнее, губы его дрогнули в подобии улыбки, а потом она буквально расцвела на его физиономии.

Надо признать, мужчины довольно часто реагировали на меня подобным образом. С точки зрения моего папы, я – эталон красоты. Конечно, папа слегка преувеличивал, то есть мне самой нравилось почти все, и если б не мой вздернутый нос... нос все портил, хотя Ритка утверждает, что он спосо-

бен свести мужчин с ума.

Если честно, никого сводить с ума я не собиралась, мне и своего сумасшествия выше крыши, и реакцией мужчин на свою красоту никогда не обольщалась, они столбенели день, от силы два, потом начинали удивляться, что вполне естественно, раз со мной вечно что-то происходило. Еще через два дня пытались учить меня жизни, через три контролировать каждый мой шаг, а через пять становились неврастениками, всякий раз вздрагивая, стоило мне дотронуться до какого-нибудь предмета. Панически боялись электропроводов и зеленели, когда я садилась за руль. А кому интересны мужчины-неврастеники? Мне-то они уж точно ни к чему.

Конечно, не хотелось себя огорчать, но кольца, розы и Мендельсон, скорее всего, пройдут стороной, и я останусь старой девой. И хотя парень расточал мне улыбки, я не очень-то обольщалась, но все равно улыбнулась, робко и даже застенчиво, потому что мне его было жаль, и не только из-за пострадавшей машины. Если он чего-то ожидает от нашей встречи, его постигнет горькое разочарование.

– Какие у нас глазки, – заявил парень нараспев с видом законченного придурка, а я сразу же перестала ему сочувствовать, у меня на идиотов нет времени. – Не худо бы этими глазками на дорогу посматривать.

– У меня сегодня был ужасный день... я хотела сказать... вообще-то я езжу очень аккуратно...

– Не сомневаюсь, – кивнул он. – Тачка застрахована?

– Что? Нет, то есть... я не уверена.

– Детка, это твоя машина? – Улыбка все еще держалась на его губах, но интонация стала насмешливой.

– Какая разница? – сурово нахмурилась я, потому что не выносила насмешек.

– Как для кого, – пожал он плечами. Теперь я решила, что он издевается.

– Послушайте, у меня мало времени...

– Значит, тачка не твоя. Мужа?

– Нет.

– Мужа нет или тачка не его?

– Я не замужем, а машина друга моей мачехи, если вам так интересно.

Теперь он выглядел слегка обалдевшим, должно быть, размышлял, после чего изрек:

– Уже хорошо.

– Что?

– Что не замужем. Было бы обидно.

– Послушайте, я знаю, что виновата, я уже извинилась и готова извиниться еще, но я не понимаю, с какой стати...

– Ментов будем вызывать или сами разберемся? – перебил он.

Вопрос поставил меня в тупик. Я вспомнила, что документов на машину у меня нет и водительского удостоверения тоже, потому что впопыхах, покидая квартиру, я о нем даже не подумала.

– Сами, – коротко ответила я.

– Ага, – кивнул он, его улыбка стала шире и теперь выглядела издевательской, он обошел мою, то есть Севкину, машину, распахнул дверь и устроился рядом со мной. – Значит, так, тачка у меня недешевая, крыло ты мне помяла, давай решать...

– Я заплачу, – с готовностью кивнула я. Черт, ну надо же... как назло, денег ни копейки.

– Сейчас заплатишь? – спросил он.

– Честно говоря... в общем, я заплачу завтра. Скажем, к обеду. Вас устроит?

– К обеду? Я подумаю, – кивнул он, оглядываясь с таким видом, точно потерял в моей машине кольцо с бриллиантами.

– А вы долго будете думать? – посуровела я.

– Как получится.

– Что-нибудь ищите? – не удержалась я.

– Точно. Твою сумочку.

– Зачем она вам? – Признаться, его ответ вызвал у меня недоумение.

– Сдается мне, документов у тебя нет. Отгадал?

– Допустим. Ну и что?

– А ты, деточка, эту тачку, часом, не угнала?

– Смеетесь? Как бы я смогла такое проделать? И вот ключи, вы же видите. – Зря я ему про ключи сказала, он извлек их из замка зажигания и определил в свой карман.

– Есть мысль, что на тачке ты катаешься без спроса.

– Вам-то какое дело? – огрызнулась я, сообразив, что ключи он не вернет. О последствиях мне даже думать не хотелось. Севка меня попросту придушит... уж орать-то будет как сумасшедший, а потом попрекать всю оставшуюся жизнь. – Отдайте ключи. – Мысль о Севке придала мне отваги. – И вообще...

– Прокатимся до автосервиса? – точно не слыша, спросил он. – А может, ко мне?

– Вы что, машины ремонтируете?

Лучше бы я не спрашивала, он решит, что я идиотка... ну и черт с ним... Я покраснела с досады и от этого разозлилась еще больше.

– Нет, у меня другой бизнес, – порадовал он. Рука его переместилась на спинку моего кресла, а оттуда на мое плечо. – Но ко мне стоило бы заехать, – продолжил он как ни в чем не бывало. – У меня прикольная квартира, зеркало на потолке...

– Вот свинья, – забыв про осторожность, вынесла я вердикт. – Верни ключи и катись отсюда. Можешь вызывать ментов, да хоть ОМОН. Выметайся.

Он засмеялся, но с места не тронулся и даже руки не убрал, и как-то так выходило, что никуда он в этой жизни не торопится.

– Ну и черт с тобой! – рывкнула я, вышла из машины и хлопнула дверью. – Подавись ты этой тачкой, она все равно

не моя.

Не успела я сделать и двух шагов, как он покинул кабину и оказался рядом со мной.

– Ладно, ладно, я пошутил.

– Хороши шуточки.

– Да не заводись ты. Держи ключи, вот они. – Он протянул мне ключи, и я доверчиво шагнула навстречу, раздался странный хруст, а я вдруг начала прихрамывать. Я с ужасом перевела взгляд на туфли... каблук переломился строго пополам.

– Все, – сказала я и закрыла глаза.

– Эй... – Парень взял меня за руку.

– Не трогай меня, – шарахнулась я в сторону. – Так больше продолжаться не может...

– Послушай... – попытался он вставить слово, я стащила туфлю и стала потрясать ею перед его носом.

– Двести семьдесят долларов. Неделю назад. Я еще долг не вернула, потому что какой-то урод свистнул у меня бабки в троллейбусе – из-за того, что какой-то гад не закрыл люк канализационного колодца и я влетела в него на своей машине и ее пришлось отправить в ремонт, потом какие-то придурки устраивают стрельбу в кафе и берут меня в заложницы, потом в милиции три часа из меня вытряхивают душу вопросами, потом Ритка прячет свои ключи и приходится взять Севкину машину. Славки не оказывается дома, так что все мои муки напрасны, потом я влетаю в твой джип, ты

болтаешь о своей дурацкой квартире с дурацкими зеркалами, а теперь еще и каблук... – Тут я малость притормозила, решив перевести дыхание, а заодно удосужилась взглянуть, что происходит вокруг. В трех метрах от нас замер «Мерседес», из которого в немом изумлении на меня таращились сразу четверо придурков. Придурок с джипа стоял рядом, вытянув руки, обращенные ладонями ко мне, и кивал в такт моим словам, потом повернулся к парням на «Мерседесе» и сказал:

– Все в порядке. Я просто разговариваю со своей девушкой. – «Мерседес» плавно тронулся с места, а парень спросил: – У тебя все? – Держа туфлю в руке, я заковыляла к машине. – Кто такой Славка? – наблюдая за моим передвижением, спросил парень. – Славка? – опешила я.

– Ну, ты сказала, что его не оказалось дома, и все твои муки напрасны...

– Сказала, – согласилась я, не понимая, куда он клонит.

– Он твой парень?

– Вовсе нет. Скажешь тоже, Славка мой парень... Он мне очень нужен по важному делу.

– Значит, твой парень Севка, и ты взяла у него машину.

– Ничего подобного. То есть машину я у него взяла, но при чем здесь мой парень, откуда бы ему взяться, черт возьми?

– Поправь меня, если я чего-то недопонял. У тебя нет мужа и нет парня. Так?

– Так, – пожала я плечами.

– Мне везет, – удовлетворенно констатировал он, а я убежденно заметила:

– Это ненадолго. – Распахнула дверь машины, села и с тоской воззрилась на туфлю, он подошел, взял ее у меня из рук и зашвырнул в кусты. – Ты что делаешь? – возмутилась я, хотя за секунду до этого намеревалась проделать то же самое.

– Не переживай. Я куплю тебе новые туфли.

– Еще чего... Меня не интересует твоя квартира, а твои дурацкие зеркала тем более.

– Да ладно, я пошутил, зеркало всего одно, и то в прихожей... Будем считать, что ты успокоилась. Успокоилась?

– Да.

– Отлично. Значит, так, я звоню другу, у него своя мастерская здесь неподалеку...

– Тогда зачем его вызывать, давай поедем...

– А вдруг ты сбежишь по дороге?

– Ты же знаешь номер машины, и найти меня будет нетрудно. Если хочешь, я тебе расписку напишу.

– Мне гораздо спокойнее, если ты будешь рядом. Крыло ты мне только поцарапала, это сушая ерунда, выберу время, заеду к Косте... А вот твой Севка тебе спасибо не скажет. Бампер надо менять, и крыло выглядит паршиво. Я думаю, Костя к утру все устроит. Твой Севка даже ничего не узнает. – Я в этом сильно сомневалась, но согласно кивнула, потому что другого выхода все равно не было. Парень достал мобильный, набрал номер и спросил меня: – Слушай, а тебя

как зовут?

– Маня, – брякнула я, потом глухо простонала, но было уже поздно, да и все равно. Парень радостно заржал, но, обратив внимание на то, как каменеет моя физиономия, заявил:

– То есть Маша? Должен сказать, это имя тебе необыкновенно идет. – Он еще раз фыркнул и стал звонить.

Я посмотрела на туфлю, украшавшую мою правую ногу, сняла ее и забросила в кусты. Денег было жалко до слез, но эмоции неожиданно покинули меня, на смену им пришло тупое равнодушие. «Если так пойдет дальше, – с грустью решила я, – я стану совершенно бесчувственной». Следующие пятнадцать минут молодой человек, так неожиданно свалившийся мне на голову, усиленно развлекал меня.

– Кстати, меня зовут Стас, – радостно сообщил он. – Двадцать восемь лет, не женат, рост 186 см, вес... не помню точно, но не мешало бы скинуть пару килограммов, и не надо так смотреть, я сказал – пару, но для тебя могу лишний раз отжаться и сбросить три, брюнет, глаза карие, но ясные, нос прямой, рот чувственный, подбородок мужественный, в целом выгляжу на редкость привлекательно.

– Это кто сказал? – усмехнулась я.

– Все знакомые девушки так считают.

– Они близоруки или косоглазы. В любом случае им надо всерьез обеспокоиться своим зрением.

– По-твоему, я не симпатичный?

– Ну... сейчас ты выглядишь несколько лучше, нежели в тот момент, когда выскочил из своей машины.

– Еще бы... а я был готов тебе голову оторвать. Думал, вытащу сейчас этого придурка и с удовольствием шлепну прямо об асфальт. И что я вижу: вместо гнусной похмельной рожи – девушка моей мечты, с самыми красивыми на свете глазами. Дай рассмотрю как следует, какого они цвета? – С этими словами он нахально ухватил меня за подбородок и уставился в мои глаза. – Так и есть, – заявил он удовлетворенно, – зеленые. Мне цыганка нагадала: меня полюбит девушка с зелеными глазами, и я на ней женюсь. Ты готова меня полюбить?

– А ты готов жениться?

– Еще бы, прямо сейчас.

– Должна заметить, это не очень хорошая идея, и ты сам очень скоро это поймешь.

– Ты нарочно меня запугиваешь... А вот и Костя, – сообщил он и покинул кабину.

В этот момент я заметила грузовичок бело-зеленого цвета, он остановился по соседству, и из него вышел молодой мужчина, длинный и худощавый, в рабочем комбинезоне. Я сочла своим долгом тоже выйти. Мужчины обменялись рукопожатием, Костя подошел ближе и, серьезно глядя на меня, заявил:

– Он сделал это нарочно. Можете подавать в суд, я пойду свидетелем. Одно не пойму, как он вас высмотрел, раз на

вашей «Ауди» тонированные стекла.

Тут до меня дошло, что он имеет в виду, и я тоже исключительно серьезно ответила:

– Ничего подобного, это я в него врезалась.

– Выходит, ему просто повезло, – вздохнул он и повернулся к приятелю: – Чего ты от меня хочешь?

– Видишь ли, эта тачка вовсе не ее, Маня... как бы это выразиться... взяла ее на время...

– Прошу прощения, – перебил Костя. – Маня – это ваше имя?

– Да.

– Идет вам невероятно.

– Спасибо. Вы еще долго будете надо мной издеваться?

– В самом деле, Костя, не приставай к девушке, это мое везение, а не твое. Короче, ты забираешь ее тачку и как можно скорее приводишь в божеский вид. Тем самым спасешь красивую девушку и окажешь большую услугу мне.

– А твоя тачка? – кивнул Костя.

– Моя тачка перебьется.

– Еще бы, – фыркнул дружок, косясь на меня. – Что ж, летите, голуби, а я буду совершать ежедневный трудовой подвиг.

– Вот-вот, постарайся завершить его как можно скорее... желательно к утру.

– Ясно. К утру, и не раньше. Девушка, я бы на вашем месте не стал доверять этому типу. Вот я человек положительный

и надежный.

– И я положительный, надежный и к тому же красавец...

Тачку сам загонишь или помочь?

– Да уж обойдусь.

– Тогда держи ключи. – С этими словами Стас взял меня за руку и повел к джипу.

Ходить босиком по асфальту мне ранее не приходилось, и я уколола ногу, пискнула, а Стас тут же предложил:

– Хочешь, понесу тебя на руках?

– Не хочу.

Он помог мне устроиться на сиденье, продемонстрировав хорошее воспитание, а я с тоской взглянула на «Ауди», которую Костя как раз загонял на эвакуатор.

– Слушай, а он ее вернет? – с тоской спросила я, сообразив, что имею дело с двумя совершенно незнакомыми гражданами, один из которых в 00 часов 05 минут собирается куда-то увозить машину, к тому же не мою, а чужую. Впрочем, свою я ни за что бы не отдала, и лишь мысль о том, как будет орать и беситься Севка, могла сподвигнуть меня на эту дикую авантюру.

Услышав мой вопрос, Стас закатил глаза и изрек:

– Какой тяжелый случай. Маня, людям надо верить.

– Мой папа утверждал обратное.

– Твой папа прокурор?

– Нет, почему?

– А кто?

– О господи, какая разница, моего папу похоронили двадцать дней назад.

– Его сгубило неверие... Это шутка, извини. Так ты сирота? То-то сердце у меня болезненно сжалось, лишь только я увидел тебя. – Болтая таким образом, он завел машину, и мы тронулись с места.

– Я живу на Пирогова, – сообщила я.

– Ты считаешь разумным ехать сейчас домой? – очень серьезно спросил Стас.

– Но...

– Может, лучше подождать, когда Костя починит машину? Поедем в какой-нибудь ресторан. Лично я люблю «Титаник». Ах, какая там семга...

– «Титаник» затонул, – отрезала я. – Ночью есть вредно, и в ресторан меня не пустят, да я туда босиком и сама не пойду.

– О, черт, я совершенно забыл про туфли. Слушай, есть в городе магазин, который работает в это время?

– Продовольственный? – съязвила я.

– Остается одно: моя квартира.

– Ясно, – кивнула я. – Останови вот тут, у перехода.

– Детка, не дури. Босиком ты выглядишь восхитительно, но боюсь, что, кроме меня, это никто не оценит.

– Скажи мне адрес мастерской, завтра встретимся у Кости, и я расплачусь за машину. Еще раз назовешь меня деткой, начну звать тебя козликом или сусликом. Всего доброго.

Он притормозил, но выйти из машины мне не удалось, потому что Стас схватил меня за руку.

– Я разучился знакомиться с девушками, – заявил он с тихой грустью.

– Вообще нет, мы же познакомились.

– Ладно, готов согласиться, что мои методы оболъщения никуда не годятся. Маня, – вдруг позвал он и широко улыбнулся, – до чего ж мне нравится твое имя, а ты мне нравишься еще больше. Без дураков. Если твой Севка жмот, то торопиться домой в самом деле ни к чему, а где-то тебе надо переждать, пока Костя латает машину. Обещаю не приста- вать, – закончил он проникновенно, и взгляд, которым со- провождалось это заверение, был чист и светел, как у мла- денца. Очень хотелось поверить.

– Не думаю, что поступать так разумно, – с сомнением от- ветила я, так как была девушкой осторожной. – Может быть, лучше...

– Хуже, – убежденно сказал он.

– Что?

– Все. Едем. В конце концов, я лицо пострадавшее, и ты хотя бы из вежливости могла бы...

В итоге мы поехали к нему. Дом квартир на двадцать вы- глядел внушительно, с зимним садом и прочими достиженни- ями цивилизации, Ритка мечтала о квартире в таком доме, но папа сказал, что нечего выделяться, и вместо этого купил в старом фонде три квартиры на одном этаже, поломал пе-

перегородки... вышло что-то совершенно невообразимое. Это Ритка так говорит, а не я, мне моя комната нравится, а все остальное...

В подъезде за стеклянной перегородкой сидел парень и читал книгу. Стас кивнул ему, а он громко поздоровался и уставился на меня.

– У нее украли туфли, – сообщил ему Стас, – прямо в автобусе. Представляешь? Теперь я ее спасаю.

Слава богу, подошел лифт, и мы поднялись на второй этаж. Квартира была большой, дорогой, а хозяин явно не знал, что с ней делать. Более-менее жилой выглядела только кухня. В гостиной огромное окно с жалюзи, белый ковер, синий диван, два кресла и домашний кинотеатр: все это разместилось на площади в двадцать квадратных метров, остальные тридцать ничем не были заняты, если не считать пыли.

– Давно ты здесь живешь? – устраиваясь в кресле, спросила я.

– Полгода. Все никак не выберу время заняться мебелью. Поможешь мне?

– В каком смысле?

– Ну... прокатимся по магазинам, женщины лучше разбираются в таких вещах. Что-нибудь выпьешь?

– Нет, спасибо.

– Я имел в виду чай или кофе.

– Ничего не надо. Не беспокойся.

– Жаль, что ты села в кресло.

– Почему? Оно какое-то особенное?

– Нет. Просто сядь ты на диван, я бы устроился рядом.

– Ты обещал не приставать.

– Так я даже не пытаюсь. Может, пересядешь?

– Я уже жалею, что согласилась приехать.

Он сделал обиженную физиономию и исчез в кухне, откуда возник через десять минут с сервировочным столиком.

– Как видишь, только чай. Являясь гостеприимным хозяином, я просто обязан тебя угостить.

– Хорошо, – согласилась я, и мы выпили по чашке чая.

– Давай познакомимся поближе?

– Зачем? – ожидая подвоха, спросила я.

– Зачем люди знакомятся? Чтобы знать друг друга.

– Хорошо, – кивнула я. – Расскажи о себе.

– Так я уже все рассказал.

– Ничего подобного. Чем ты занимаешься?

– Да так... всем помаленьку. – Я с усмешкой оглядела комнату, а Стас засмеялся: – У меня своя фирма. Две бензозаправки, то да се... Совсем неинтересно. А ты учишься, работаешь?

– Закончила институт, ищу работу.

– Давно?

– Ищу работу?

– Угу.

– Ну...

– Не найдешь, – убежденно заявил он. – Тебе проще вый-

ти замуж.

– Я экономист по образованию, – обиделась я. – У меня диплом с отличием. И вообще, при чем здесь замужество, скажи на милость?

– Не обижайся, только нормальный человек тебя на работу не возьмет. На работе надо работать, а при взгляде на тебя в голову приходят совершенно другие мысли. Допустим, шеф будет ходить с закрытыми глазами, а как же трудовой коллектив?

– Я хочу влиться в сугубо женский коллектив.

– Не советую. У бедняжек возникнет чувство собственной неполноценности, а люди, ведущие счет деньгам, должны быть оптимистами.

– Если я слегка поцарапала твою машину, это еще не повод весь вечер надо мной издеваться.

– Я больше не буду, – сказал он покаянно. – Я даже готов предложить тебе работу в своей фирме. Отдельный кабинет, телефон и компьютер, чтобы ты не скучала, когда меня нет рядом. О зарплате договоримся. Ты обещала мне номер своего телефона...

– Пожалуйста.

Он протянул мне листок бумаги и ручку, я записала номер мобильного, подумала и чуть ниже вывела «Мария».

– А фамилия у тебя есть?

– Конечно. Мария Анатольевна Смородина.

– Очень приятно. Станислав Геннадьевич Самойлов. Еще

чаю? Постой, говоришь, папу похоронили двадцать дней назад?

– Да.

– А звали папу Анатолий Вениаминович?

– Ты был с ним знаком? – насторожилась я.

– Наслышан, – кивнул Стас и как-то странно посмотрел на меня. – Значит, ты сирота. Ты пей чай, пей, не стесняйся.

Конфеты нравятся?

– Я не люблю ассорти.

– А что ты любишь?

– Мармелад.

– Учту. Живешь одна?

– Нет, с мачехой.

– Не обижает?

– Кто?

– Мачеха.

– С ума сошел? С какой стати?

– Мачехи обычно злые. А ты красавица, по идее, она просто обязана отравить тебя яблоком.

– Сроду не встречала такого болтуна. Ритка замечательная, мы с ней прекрасно ладили, пока Севка...

– А это кто?

– Ее друг.

– Давно он появился?

– Не знаю. В доме двадцать дней назад.

– Понятно.

Что ему понятно, узнать не удалось, зазвонил телефон. Стас отозвался с большой неохотой. Что ему говорили, я не слышала, но, видимо, что-то неприятное, потому что он начал морщиться, а потом спросил:

– Ты что, сам разобраться не можешь? – Похоже, говоривший разобраться не мог, потому что Стас опять спросил: – До утра подождать нельзя? – Потом взглянул на меня с намеком на отчаяние и сказал с горечью: – Хорошо. Сейчас приеду. – А я удовлетворенно отметила: ну вот, стоило парню познакомиться со мной, и пошло невезение, то есть ничего хорошего я в этом не видела, удовлетворение относилось к тому факту, что я в очередной раз оказалась права.

– Что-то случилось? – спросила я Стаса, когда он, закончив разговор, задумчиво меня разглядывал.

– Что? А... нет, все нормально. Мне надо уехать на полчаса, а ты пока располагайся, посмотри телевизор, отдохни. Я мигом.

– С какой стати мне здесь располагаться, если ты уезжаешь по делам? Отвези меня домой.

– Мне было бы спокойнее, останься ты здесь.

– Почему это? – насторожилась я.

– Ну... мы только что познакомились, ты утверждаешь, что парня у тебя нет, и по этой причине мне бы не хотелось терять тебя из виду, вдруг объявится какой-нибудь придурок?

– Что же мне теперь, жить у тебя?

– А что? Лично я не возражаю.

– Это временно, – заверила я, поднимаясь. – Ты успеешь отвезти меня домой?

– Слушай, раз ты не хочешь оставаться одна, может, со мной поедешь? Посидишь в машине, это правда на пять минут.

– Отвяжись, – сурово отрезала я и направилась к двери. Сборы были недолгими, раз у меня не было ни обуви, ни сумки.

– А если Севка хватился машины? – выдал Стас последний аргумент, но и он впечатления на меня не произвел.

– Какая разница, когда с ним скандалить? Сейчас или через час?

– Если бы машину к тому времени уже починили...

– Орать он будет ничуть не меньше, – заверила я и покинула квартиру. Стасу ничего не оставалось, как последовать за мной.

По дороге он пытался завязать светскую беседу, но я упорно отмалчивалась, мысль о Севке не давала покоя. Настроение значительно ухудшилось, когда я увидела свет в нашем кухонном окне.

– Это у тебя? – спросил Стас, который тоже обратил на окно внимание.

– Ага.

– Может, не стоит...

– Стоит, – вздохнула я, распахивая дверь.

– Тогда я тебя провожу.

– Это уж точно ни к чему, – махнула я рукой на прощание и побежала к подъезду.

Совершенно неожиданно я так разволновалась, что, поднимаясь на второй этаж, почувствовала подозрительное сердцебиение. Тут я вспомнила, что не взяла ключи от двери, выругалась и нажала кнопку звонка. Дверь открыла Ритка, собралась что-то спросить, но тут взгляд ее переместился к моим ногам. Не заметить, что я без обуви, она не могла, шевельнула губами, как-то странно дернулась, потом прижала ладонь ко лбу, точно пыталась установить, имеет ли место повышенная температура, или волноваться нечего, и, пробормотав: «Нет, так больше продолжаться не может», отправилась в свою комнату. Общаться с ней я была не расположена, потому и возражать не стала. Заглянула на кухню, убедилась, что Севки там нет, выключила свет и, поздравив себя с редкой удачей, отправилась в свою комнату, заперлась на всякий случай (если Севке придет в голову выяснять со мной отношения, пусть делает это через дверь) и легла спать.

Уснула я мгновенно, а снилось мне что-то приятное. Неизвестный красавец был влюблен в меня до безумия, и дело двигалось к свадьбе, но тут в дверь громко постучали, я проснулась и очень обиделась: до свадьбы по-прежнему далеко, а Севка из-за двери вопит:

– Маня, я долго буду здесь стоять? Тебя к телефону, между прочим, прислуги у нас нет, и ты могла бы...

«О господи, – обрадовалась я, натягивая халат, – выходит, он не скандалить...» Поспешно открыла дверь и схватила трубку. Звонил Стас.

– У тебя сотовый выключен, – сообщил он.

– Я знаю. А как ты узнал мой домашний номер?

– Так ты ж мне фамилию сказала, – удивился он. – Не разбудил? Я подумал, чем раньше ты вернешь машину... Кстати, он ее не хватился?

– Пока нет.

– Вот и отлично. Я сейчас подъеду. Выходи.

– Спасибо, – обрадовалась я и бросилась в ванную. Денег у меня со вчерашнего дня не прибавилось, так что разочаровывать Стаса не хотелось.

Через двадцать минут я метнулась к входной двери, заметив, что Севка в кухне пьет кофе, развалившись в папином любимом кресле.

– Ты куда так рано? – спросил он.

– У меня полно дел.

– У тебя? – не поверил он. – Откуда они взялись? А тип на «Крузизере», что торчит уже пятнадцать минут в нашем дворе, не тебя случайно поджидает?

– Тебе-то что за дело? – отмахнулась я и спешно покинула квартиру, не забыв сумку, сотовый и ключи от гаража. Похоже, Севка ничего не заподозрил, и если мне повезет... но об этом лучше не думать.

Стас действительно ждал во дворе, дверь машины с

его стороны была распахнута, сам он наслаждался свежим воздухом. Он проникновенно улыбнулся мне, шагнув навстречу, но во взгляде я уловила некоторую настороженность. Должно быть, ремонт влетел в копейчку и парень беспокоится, что я не верну ему деньги. Совершенно напрасно, долги я всегда возвращаю, правда, не всегда вовремя.

– Привет, – сказал он, подумал и поцеловал меня в лоб. Севка наверняка подглядывает, ну и черт с ним.

– Привет, – бодро отозвалась я. – Значит, я могу забрать свою машину, то есть Севкину?

– Конечно, поехали. Говоришь, пропажи он не заметил? – спросил Стас уже по дороге.

– Слава богу, нет, – улыбнулась я, – хотя ничто не мешает ему сделать это сейчас. – Я пригорюнилась, памятуя о своем невезении.

– Тогда стоит поторопиться, – кивнул Стас.

Он и в самом деле поторопился, и вскоре я увидела красавицу «Ауди» возле ворот автосервиса.

– По-моему, она стала еще красивее, – обрадовалась я.

– Да, выглядит неплохо.

– Твой друг здесь? – спросила я.

– Зачем он тебе?

– Хочу узнать, сколько я должна за ремонт.

– Нисколько.

– Хорошо, тогда сколько я должна тебе?

– Слушай...

– Вот что, – начала я сурово, но он меня перебил:

– Может, оставим этот разговор на потом, а пока вернем машину на место?

Я вынуждена была согласиться, что это гораздо разумнее, и через некоторое время благополучно загнала машину в гараж.

– Какое счастье, – вздохнула я, запирая ворота. – Осталось незаметно вернуть ключи...

– Возвращай, – кивнул Стас, – я подожду.

– Подождешь?

– Конечно. Мы же хотели поговорить о твоём долге.

– Да... Я быстро.

Я припустилась к своему дому, вошла в квартиру и убедилась, что Севка все еще торчит в кухне, на сей раз жарит себе яичницу. Я вернула ключи на место, чувствуя себя почти счастливой, мне хотелось быть в мире со всеми, даже с Севкой, и я спросила:

– Где Рита?

– Спит.

– Ты куда-то собираешься?

– Нет. Неважно себя чувствую, побуду сегодня дома. А ты что вернулась?

– Очки забыла, а день обещает быть жарким.

– Что это за тип на джипе? – проявил он интерес.

– Знакомый.

– Давно он появился?

– Пару дней назад, – легко соврала я.

– Ага, – кивнул Севка и нахмурился. – Кто он такой?

– Зовут Стас.

– И больше ты о нем ничего не знаешь? – подождав немного и ничего не дождавшись, возмутился Севка.

– Его биография меня не интересует, – огрызнулась я, хорошее настроение пошло на убыль.

– Чем он занимается, хоть это тебе известно?

– А ты чем занимаешься? – усмехнулась я и поспешила убраться восвояси.

Стас встретил меня ласковой улыбкой.

– Ну как?

– Нормально, – пожала я плечами.

– Ничего не заметил?

– Нет.

– Отлично. Поехали обедать, то есть завтракать. Что-нибудь должно быть открыто даже в это время.

– Я не хочу завтракать, – возразила я.

– А я хочу. Ты должна пойти мне навстречу.

– Вообще-то я хотела узнать, во сколько обошелся ремонт, и вернуться домой.

– Я не в состоянии обсуждать такие важные вопросы на голодный желудок.

– Хорошо, – пожала я плечами, устраиваясь рядом с ним.

Через полчаса мы уже сидели в очень симпатичном кафе, Стас завтракал, а я пила кофе, наотрез отказавшись от еды.

– Так сколько я тебе должна? – заметив, что он уже съел половину завтрака и теперь совсем голодным считаться не мог, спросила я.

– Ничего, – покачал он головой, – мы в расчете.

– Что ты мне голову морочишь? – возмутилась я.

– Ремонт стоит копейки, а ты подарила мне незабываемый вечер, так что мы в расчете.

– Я позвоню твоему Косте и сама все узнаю.

– Не узнаешь, – заверил Стас. – Давай встретимся сегодня? – предложил он, глядя на меня с большой приязнью.

– Так мы еще не расставались.

– Ну и что? Мне пора в офис, если мы сейчас не договоримся о встрече, я не смогу совершать трудовой подвиг. Ну так что?

– Не знаю, у меня полно дел, – вздохнула я.

– У тебя? – удивился Стас. «Они что, сговорились?»

– У меня.

– Салон красоты, портниха? Я могу быть твоим личным шофером, ведь твоя машина в ремонте, так?

– Машина в ремонте, но я слышала, что иногда полезно ходить пешком.

– Не верь, это злостное запудривание мозгов. А еще мы должны купить тебе туфли, ты что, забыла?

– Слушай, чего ты ко мне прицепился? – насторожилась я. – Денег не берешь и болтаешь всякие глупости.

– А у тебя есть деньги? – удивился он.

– Нет. Но я возьму в долг. Съезжу к дяде Вите, он даст.

– Кто такой дядя Витя?

– Тебе-то что? – Родственник?

– Нет, папин друг.

– Ага. Кстати, а чем твой Севка занимается?

– По-моему, ничем, – пожала я плечами.

– На что же он живет? Тачка у него недешевая.

– Откуда мне знать?

– Его что, мачеха содержит?

– Вовсе нет. Откуда у Ритки деньги?

– Как откуда? А твой папа?

– Что папа? – нахмурилась я.

– Ну... по-моему, твой папа был весьма состоятельным человеком.

– Ах, вот оно что, – удовлетворенно кивнула я, наконец-то сообразив, откуда у Стаса вдруг такой интерес ко мне. – Видишь ли, папа ничего нам не оставил, если не считать многочисленных квартир и машин. Папа был человеком старых убеждений, и у него были свои представления о наследстве. Папины машины мы продали, свои пока остались, а за счет квартир живем.

– Тогда тебе надо устроиться на работу. Ко мне.

– Ты же сам сказал, что меня никто не возьмет!

– Я сказал? – удивился Стас. – Должно быть, в беспамятстве... Если мачеха на мели, на какие шиши живет Севка?

– Тебе-то что до этого?

– Просто интересно.

– Какие вы, однако, любопытные. Севка тоже про тебя спрашивал и тоже интересовался, на что ты живешь.

– Да? Ну, это разумно, он должен знать, что отдает тебя в надежные руки.

– Думаю, это волнует его меньше всего.

– Тогда с какой стати он интересовался? – Хотя рот Стаса был раздвинут буквально до ушей, я была почти уверена: вопрос он задал неспроста.

– Откуда мне знать? – удивилась я, он попробовал улыбнуться еще шире, но не вышло, а я поднялась из-за стола. – Пока.

– Куда ты? – вроде бы испугался он, хватая меня за руку.

– Говорю тебе, у меня полно дел.

– Когда увидимся?

– Я позвоню.

– Когда позвонишь?

– Возможно, сегодня.

– Давай лучше я тебе позвоню. Так когда увидимся?

– Ты меня с ума сведешь, – покачала я головой, но тут зазвонил мой сотовый, и я полезла в сумку.

– Это я, – голос поначалу показался мне незнакомым, я нахмурилась и ответила:

– А это я.

– Ты чего меня искала? – недовольно пробубнили мне в ухо, а я сообразила, что звонит мне Кузин. С этой дурацкой

машиной вчерашние события начисто вылетели у меня из головы, но тут я вспомнила о паспорте и заволновалась.

– Нам надо встретиться, срочно.

– Я срочно не могу, дел по горло. И вообще... что это ты вдруг обо мне вспомнила? – Такое лицемерие вызвало в моей душе возмущение.

– Ничего себе «вдруг»! – рявкнула я. – Думаешь, я тебя не узнала? Гони паспорт. Мне новый ни за что не выдадут, и никакая справка из милиции не поможет.

– Какая милиция? Какая справка? – ахнул Славка.

– Обыкновенная. Справка нужна, чтобы тетка поверила, что это не я его потеряла, а вы у меня его стащили.

– Ты что, с ума сошла? Я стащил твой паспорт? На фига он мне?

Тут уж я рассвирепела по-настоящему:

– Значит, так, не хочешь по-хорошему, как хочешь. Я сейчас наплюю на нашу былую дружбу и позвоню в милицию, пусть они с тобой разбираются.

– Да не брал я твой паспорт.

– Может, ты не нарочно, не спору. Но паспорт был в сумке, а сумка осталась в машине, потому что этот псих, твой дружок, выпихнул меня без сумки. А когда менты захватили машину, сумки в ней не было, это я знаю доподлинно, потому что первой машину нашла я. Сумка мне без надобности, ее в троллейбусе разрезали, а паспорт верни немедленно. Как мне жить без паспорта, сам подумай?

– Нет у меня паспорта! – заорал он. – Нет. И отстань от меня.

– Хорошо, – ответила я зловеще, и он тут же пошел на попятный:

– Может, он у Юрки?

– Психа, что Рыжего убил, Юркой зовут? – обрадовалась я, хотя мне-то что до этого, Юра или Вова, какая разница? Впрочем, милиции это знать нелишне, так что, если паспорт заныкают, я...

– Вот черт, – жалобно сказал Славка, должно быть, злясь на свою болтливость, и, едва не плача, продолжил: – Маня, ты ментам про меня не рассказала?

– Конечно, нет. Мы ведь за одной партией восемь лет сидели, как я могу... хотя, должна тебе сказать, убийство мне не нравится. Я знаю, у тебя проблемы, мне сосед рассказал, что ты бутылки собираешь... Это никуда не годится. Тебе стоило обратиться к друзьям, ко мне, например... однако это не повод бегать по городу с пистолетом и палить налево-направо.

– Да у меня и пистолета не было.

– Что ты врешь? – возмутилась я. – А то я не видела.

– Маня... вот что, давай встретимся, и я тебе все расскажу.

– Давай, – согласилась я.

– Тогда приезжай ко мне. Помнишь, где я живу?

– Конечно, помню, если я у тебя вчера была.

– Ах, ну да... в общем, я тебя жду, приезжай.

– Хорошо, – согласилась я, вздохнула и дала отбой.

– Куда это ты собралась? – хмуро глядя на меня, поинтересовался Стас. В пылу полемики я о нем забыла начисто, а теперь таращила глаза, силясь вспомнить, что успела наболтать. Вот уж воистину язык-то без костей.

– Я позвоню, – выжав из себя улыбку, заторопилась я. – Сегодня. Возможно, до обеда. Или даже раньше. А вечером увидимся, если захочешь.

– Не увиливай, – сурово покачал он головой, не выпуская моей руки.

– Я не увиливаю, я правда позвоню.

– Маня, – вздохнул Стас, – ты с кем говорила?

– С одноклассником.

– Кто тебя из машины выпихнул и зачем?

– С чего ты взял?

– Ты сама сказала.

– Я сказала?

– Ага. Еще про ментов, про паспорт. Ты куда собралась? К этому Славе?

– Я по делу. Честно. Очень важное дело, я тебе про него потом расскажу, а сейчас пойду, ладно? – Я и в самом деле попыталась уйти, но он держал меня крепко.

– Ты в своем уме? – зашипел он, косясь по сторонам, потому что кое-кто начал обращать на нас внимание.

– Конечно, – обиделась я. – С какой стати ты так со мной разговариваешь?

– Этот твой одноклассник... не он случайно вчера взял тебя в заложники?

– Нет, – испугалась я. – Зачем это Славке?

– А чего ты ему милицией грозила?

– Так... попугать хотела. Он мой паспорт заныкал, ты же слышал.

– Маня, вчера эти парни ограбили кафе и при этом застрелили человека, так?

– Ну... только это не Славка.

– А сегодня ты едешь к нему. Да ты хоть понимаешь... Не понимаешь, – внимательно глядя на меня, констатировал он. – Ты свидетель. Они же запросто могут тебя убить.

Признаться, я здорово перепугалась. Даже поговорку вспомнила: «Свидетели долго не живут». Однако боялась я недолго, как-то не верилось, что Кузин желает моей смерти. Я с сомнением взглянула на Стаса и заявила:

– Мы же одноклассники.

– Что ты болтаешь? – возмутился он, но руку мою отпустил и перешел на трагический шепот: – Твой Славка человека убил.

– Это не он.

– Хорошо, его приятель. Допустим, что Славка вспомнит о вашем прекрасном детстве, а его дружок?

Я невольно поежилась, а потом загрустила.

– Что же делать? – спросила я с испугом, очень боясь, что Стас ответит: «Что, что, в милицию звонить». Хоть я и счи-

тала, что Славка заслуживает наказания, однако доносить на него не могла. У нас и в школе доносчиков не жаловали.

– Я поеду с тобой, – заявил Стас.

– Зачем? – удивилась я.

– Как зачем? – зашипел он в гневе. – Говорю, это опасно.

– Тем более, тебе-то с какой стати страдать? – Я и в самом деле не понимала, и теперь его поведение казалось мне подозрительным.

– Я не могу позволить тебе рисковать.

Я хотела спросить почему, но поняла, что разговор мы можем продолжать до бесконечности и толку от этого не будет никакого.

– Знаешь что, – задушевно предложила я, – не суйся в мои дела. Я же в твои не суюсь.

– Теперь это не только твое дело, – осадил он, – у меня есть сведения, которые могут заинтересовать милицию, и как честный гражданин...

– Так ты честный? – удивилась я. – Ладно, звони ментам.

Такого он, как видно, не ожидал и теперь тарачился на меня в полном затмении.

– Хорошо, – сказал наконец он вяло, – я не могу этого сделать, потому что у тебя будут неприятности, а я этого не хочу. А отпускать тебя одну тем более. Это в самом деле опасно.

Если честно, слова об опасности все же произвели на меня впечатление. Я совершенно не знала, что делать, но, когда

Стас в очередной раз заявил, что ехать надо вместе, замотала головой, категорически отказываясь.

– Ни за что, Славке это не понравится. Он здорово разозлится, что я все тебе разболтала, и не отдаст мой паспорт.

– Славка его и так не отдаст. Давай так, – принял он соломонovo решение, и я с ним в конце концов согласилась. – Поедем вместе, а к нему ты пойдешь одна. Если почувствуешь, что дело плохо, скажешь этим психам, что я жду тебя в машине.

– Чтобы они и тебя прихлопнули за компанию? – съязвила я.

– Это мы еще посмотрим, – фыркнул он, и я, как уже сказала, согласилась. Стас расплатился, и мы покинули кафе. По дороге я пыталась решить, правильно я поступила или нет, но так ничего и не решила, может, потому, что времени на это не было, Стас ехал слишком быстро, а я быстро думать не умею. Однако одна дельная мысль все же пришла мне в голову.

– Не стоит заезжать к нему во двор, – сказала я, – лучше жди меня возле соседнего дома.

– Ерунда, – возразил Стас, – он же мою машину не знает.

– А если он меня в окно увидит?

– Хорошо, высажу тебя у соседнего дома, – поморщился он.

– Тогда тормози.

Через минуту я вошла в Славкин подъезд и позвонила в

квартиру.

– Кто? – грозно спросили из-за двери. Голос я опять не узнала, прислушалась и пискнула:

– Я.

Дверь тут же открылась, Славка схватил меня за руку и втянул в прихожую. Выглядел он так, что, по меткому народному выражению, краше в гроб кладут. Волосы всклокоченные, глаза красные, точно с похмелья, губы дрожат, к тому же и его самого здорово потряхивало, будто в ознобе.

– Маня... – пробормотал он и совершенно неожиданно заключил меня в объятия.

Малость опешив, я стояла столбом, потом похлопала его по спине и пробубнила:

– Ну чего ты...

Он отлепился от меня, маетно вздохнул и заявил:

– Я тебе сейчас все объясню... то есть я сам ничего понять не могу и совершенно не знаю, что делать. Может, ты знаешь?

– Что я могу знать, если ты мне ничего не рассказываешь? – возмутилась я.

– Так сейчас расскажу. Ты проходи. Чаю хочешь? Черт, заварки нет, я и забыл...

– Не надо мне чаю, я паспорт хочу...

– Что ты пристала со своим паспортом? Меня, может, не сегодня-завтра в тюрьму посадят, а ты паспорт.

– Посадят, и за дело. И нечего на меня так смотреть. С

какой стати ты решил грабить кафе? Как тебе такое в голову пришло, скажи на милость? Грабитель выискался... – Я так разошлась, что совершенно не обратила внимания на одну вещь: Славка стоял рядом и плакал. Даже всхлипывал. Со всем как в детстве, когда свалился с брусьев и подвернул ногу. Мальчишки принялись его дразнить, а мне Славку было жалко. Теперь вместо упитанного карапуза передо мной стоял взрослый дядя, но плакал он точно так же. Это произвело впечатление: паспорт показался мне сущей безделицей, а сердце сжалось так, что я сама заревела от сострадания к своему непутевому приятелю, а еще стало стыдно, точно это не он, а я кафе ограбила. – Давай рассказывай, – нахмурилась я и плюхнулась на диван. – И не расстраивайся раньше времени, что-нибудь придумаем.

– Чего тут придумаешь? – пожаловался он, но понемногу успокоился и начал рассказывать.

Сосед оказался прав: Славкина жизнь складывалась не очень удачно. И с работы его увольняли с завидной регулярностью, и бедность замучила. Вот от этой самой бедности он и решился на крайние меры.

Ограбить кафе ему предложил Юрка, и Славка согласился, как я подозреваю, в пьяном угаре. Познакомились они в пивнушке неделю назад, там же и составили план ограбления, то есть план составили позднее, если быть точной, позавчера. Ранее в пивнушке Славке дружка встречать не приходилось. Мой одноклассник по обыкновению проводил там

свой досуг, грустил и вдруг обнаружил рядом с собой этого типа. Тип представился, предложил с пива перейти на водку, и вскоре Славка понял, что обрел друга (это не я так решила, а он, у меня-то было совершенно другое мнение на сей счет, но его никто не спрашивал). Друг тоже бедствовал и был сильно обижен на тех, кто, по его мнению, с жиру бесится. К данной категории граждан он относил банкиров, бизнесменов, олигархов всех мастей и со знанием дела заявил, что их добро самое время экспроприировать.

Идея нашла отклик в Славкиной душе, и он согласился экспроприировать немедленно, тем более что на вторую бутылку дружкам не хватало, а выпить и, соответственно, поговорить по-человечески очень хотелось. В общем, ближе к ночи они твердо вознамерились присвоить чужую собственность, правда, на банк не замахивались, решили для начала опробовать кафе. В этом месте я с тоской взглянула на Славку, а он опять захлюпал носом.

– Ты идиот, – мрачно заявила я, и он согласно кивнул.

– Я знаю. Понимаешь, ведь не думал, что он всерьез, ну... поговорим, и все.

– Зато теперь думаешь.

– Теперь, конечно.

В общем, парни поклялись друг другу в дружбе, а еще в том, что «дело сделают». Не знаю, сколько они к тому моменту выпили, но денег точно где-то нашли, не с одной же бутылки их так понесло.

Чем закончился вечер, Славка вспомнить не мог, очнулся в своей квартире с головной болью, пустыми карманами и, как следствие, невозможностью похмелиться. Последнее обстоятельство его сильно расстроило, если верить его словам, он был близок к самоубийству. Я не верила, но на всякий случай кивнула.

В самый разгар душевных мук у него появился Юрка, и не с пустыми руками, а с бутылкой. Глотнув целительной жидкости, Славка кинулся в объятия нового друга с выражением признательности и клятвой в вечной дружбе. Дружок тут же напомнил о вчерашнем соглашении. Славка хоть и маялся с перепоя, но кое-какие мысли в голове имел и поначалу решил, что Юрка шутит. Но Юрка не шутил. К тому моменту у него был готов план ограбления. Выбрал он кафе «Маминны блины», потому что, по его словам, в кафе народу немного, так как зал небольшой. Зато идут сплошным потоком, из персонала – повар, посудомойка и официантка, так что особых хлопот не предвидится, а выручка должна быть приличной.

Славка выслушал все это и затосковал, потому что в роли грабителя себя не видел. Однако перед Юркой ему было совестно, в том смысле, что не хотелось нарушать данное слово и идти на попятный, и он решил вразумить товарища и задал первый наводящий вопрос. «Грабить положено с оружием, так где его взять?» Юрка тут же выложил на стол два пистолета, и Славка с перепугу попятился. Дружок схватил

один из них, приставил к виску и вроде бы выстрелил, правда, выстрела не прозвучало.

– Ты что, спятил? – спросил позеленевший Славка, а Юрка засмеялся.

– Поверил? Поверил, – повторил он, весьма довольный собой. – И они поверят.

Тут выяснилось, что оба пистолета игрушечные и приобрел их Юрка сегодня на местном рынке, но, по словам Славки, от настоящих они ничем не отличались и как средство устрашения вполне годились. К пистолетам прибавились шапки-маски, и Славка почувствовал, что исчерпал все аргументы против, надо либо соглашаться, либо отказываться, но как откажешься, если вчера дал слово?

На столе появилась еще бутылка, и, выпив самую малость, Славка понял, что изменить слову для него ниже собственного достоинства, и согласно кивнул, после чего был коротко проинструктирован дружкой, и через час они отправились грабить кафе.

Славка ждал на углу, Юрка подкатил на машине, которую позаимствовал неподалеку. Другую машину, тоже позаимствованную, оставили в подворотне и вскоре входили в кафе. Славка утверждал, что двигался на автопилоте и толком рассказать об этих моментах ничего не может. Лично я ему верю. Думаю, он отчаянно боялся, хоть и не решался в этом признаться. Однако, несмотря на страх, действовал Славка строго по сценарию, орал: «Всем на пол» и прочее, исправно

размахивал пистолетом. Все вроде бы складывалось удачно, но тут... тут Рыжий наотрез отказался подчиниться. Конечно, Славку это здорово смутило, Рыжий производил впечатление весьма уверенного в себе типа, к тому же злобного, и Славка уже предвидел возможные неприятности, но того, что произошло, он не ожидал: Юрка выстрелил из игрушечного пистолета, а дядька взял да и умер. По крайней мере, об этом сказали в новостях.

– Может, врут? – вздохнул Славка, глядя на меня с надеждой и отчаянием. – Может, он того?

– Чего «того»? – передразнила я.

– Ну... может, они нарочно пугают?

– Кого? Дядька на полу лежал, ты кровь видел?

– Видел, – кивнул он. – Может, это не кровь? Может, он притворился?

Я закатила глаза в крайнем возмущении.

– Зачем ему притворяться? – спросила я сурово.

– Ну, не знаю. Может, менты чего придумали?

От его «может» меня уже била нервная дрожь.

– Дядьку убили, – отрезала я.

– Из игрушечного пистолета? – не поверил Славка.

– Значит, пистолет игрушечным не был, – сделала я вывод.

– Да он его на рынке купил, – возмутился Славка. – Потвоему...

– Слушай, – перебила я, – дело обстоит так: дядька погиб.

Это совершенно очевидно. Из игрушечного пистолета застрелить человека невозможно, следовательно, у твоего Юрки был настоящий пистолет. Кстати, а где твоя игрушка?

– Я ее выбросил, – понизив голос, сообщил Славка.

– Зачем?

– Но это же вещественное доказательство.

– Так он игрушечный, – удивилась я.

– Ну и что? В общем, выбросил я его. Но он и вправду был игрушечный. Ты мне не веришь? – спросил он.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Из игрушечного никого убить невозможно, а дядька погиб.

– А может, это ментовские штучки? – горячо зашептал Славка. – Какой-нибудь клюквы дядьке в рубашку запихнули, он упал, прикинулся мертвым, они его увезли...

– Зачем это ментам? – спросила я в крайнем недоумении.

– А вдруг он какой-то важный свидетель, и им нужно, чтобы все решили, что он мертвый? – Следовало признать, Славка подошел к проблеме с фантазией.

– Тогда тебе вовсе нечего бояться, – изрекла я, – потому что выходит, что дружок твой мент. Пусть гонит паспорт, не то я на весь город разболтаю, что убийство ненастоящее.

– Почему мент? – испугался Славка.

– Потому что по-другому не получается, – осчастливила его я. – Откуда ментам знать, что вы пойдете грабить кафе да еще в Рыжего выстрелите? Значит, обо всем заранее с твоим Юркой договорились. – Тут мне в голову пришла еще одна

мысль, и я поспешила ее высказать: – А Рыжий вел себя подозрительно, точно нарочно нарывался.

Славка при этих моих словах рухнул на диван и побледнел до состояния неспелого яблока, то есть стал ярко-зеленым, чем меня весьма растревожил.

– Это что же выходит? – вращая глазами в крайнем волнении, вслух размышлял он. – Менты с какими-то своими штучками, а мне в тюрьму?

– Выходит, – кивнула я, но тут же отчаянно замотала головой: – Зачем в тюрьму, если все не взаправду?

– Так кафе-то ограбили. Деньги поровну поделили. Вот у меня они здесь, в кармане... – Славка принялся судорожно выкладывать на стол мятые купюры.

– Подожди, – махнула я рукой, – мы еще даже не знаем...

– Чего тут знать? – возмутился Славка. – Мне при любом раскладе в тюрьму. Либо за убийство и грабеж, либо только за грабеж. Маня, что делать?

На этот вопрос я ответить не могла и загрустила.

– Для начала не худо бы узнать, жив Рыжий или нет.

– Конечно, жив, – горячо зашептал друг детства. – Говорю, пистолет игрушечный. А менты? Помнишь? Подъехали, а потом взяли и скрылись. Ведь подозрительно?

– Менты обедать приезжали, дверь кафе оказалась заперта, они решили, что закрыто, и поехали себе дальше, а на нас просто не обратили внимания, хотя мы следом за ними из кафе вышли.

– Подозрительно, – стоял на своем Славка, а я пожала плечами. – Как бы узнать, жив он или нет? – кусая губы, заявил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.